

СУМАСВРОДСТВА

Вячеслав Смирнов

ПОВЕСТИ И
РАССКАЗЫ

2020

16+

Вячеслав Смирнов
Сумасбродства

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Смирнов В. И.

Сумасбродства / В. И. Смирнов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Автор жил и работал как инженер, к.т.н., доцент, бизнесмен, адвокат и всегда он спортсмен, турист, интеллигент- гуляка. Издал ранее книги «Инженер и далее..» в 2010 г., «Блеснув на солнце» в 2012 г. и «Противозадирная стойкость трущихся тел» в 1981 г. Описывает остроту отношений с прекрасным полом до трагедии, столкновении ментальности русской и других наций, драму с родными, девичий зов крови, последнее влечение старца - митрополита страны, разгульные кабацкие и туристские радости души, сумасбродность любовных устремлений, всеильную волю случая и удачи, горячие впечатления многих странствий. Основа всего – реальность, и фотографии в доказательство. По духу книга вызывает в памяти произведения И.А.Бунина и А.И.Куприна, ищет ответ на вечные вопросы человека – зачем и почему? Книга может быть интересна бегущему по жизни человеку, как начинающему, так и замедлившему бег в раздумьях.

© Смирнов В. И., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Нелочка	6
Бежал в Париж	27
Бугров	34
В снегах	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

В оформлении обложки использованы мои собственные фотографии. Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.

Вячеслав Смирнов

Ждем чувств глубоких и страстей от мотыльков и от лилей
По А. С. Пушкину

Нелочка

Не могу сказать – ждало ли его страстно или терпеливо, не ждало ли и не хотело ли этого, но это время пришло и Ригу покинули части Вермахта. Население города накоротко поредело – кто-то примкнул к отступившим немцам, но поредело не на долго, и восполнилось приливом новых граждан с Востока. Восстановилась мирная жизнь, но не та, довоенная, когда по городу ходили мужчины в двубортных пиджаках и брюках с широкими штанинами с обшлагами, в шляпах с заломленными полями и продавленной лодочкой тальей, а многие еще и с тросточками, когда описывать женщин, стыжусь за это слово, обозначив просто пол, а ведь просилось «дам», было бы трудно из-за разнообразия одежд из тканей с невообразимыми заграничными названиями и цветов на них, шляпок и выбивающихся из-под них завитков локонов, чулок со стрелочками, стремительно несущими фантазии мужчин от пяток вверх. Теперь тех мужчин и женщин стало куда как меньше, а появилось другие мужчины в военной форме, мужчины славянской внешности в гражданских одеждах, тоже в широких штанинах с выглядывавшими из-под них головками сапог то с хромовым блеском, то с пасмурным блеском начищенной кирзы. Этот блеск наводили сидящие на перекрестках улиц чистильщики обуви. Они привлекали таких мужчин, играя двумя щетками, приветливо осклабясь в принужденной улыбке, раскачиваясь при этом из стороны в сторону подобно рекламному механическому часовщику – еврею с моноклем в витрине часовой мастерской рядом. Чистильщики покрикивали – Гуталины, вакса Vici, американские, немецкие трофейные, подходи! Недорого возьму! Выглядели они южанами, кавказцами. Но что-то в них сильно отличало от тех. Далеко позднее, побывав в столице Москве, я увидел таких же и узнал, что это караимы, хазары в древности, которые испокон чистят обувь в Москве и Ленинграде. Сами они из небольшой караимской общины в Крыму. Военный человек, по-советски стесняясь такой услуги, все же сел к чистильщику на двухэтажную деревянную тумбу, похожую на спортивный наградной пьедестал, но только для сапог. Занимал высший, почетный пьедестал, а чистильщик сидел приземленно на своей низкой табуретке. Он тряпкой обмахивал сапог от пыли, макал щетку в гуталин, обмазывал сапог и уже двумя щетками размазывал гуталин. Затем брал две полировочные щетки и сначала медленно, а потом все быстрее порхал по голенищу и головке. Заканчивал же бархатным полотенцем, растянутым в обеих руках, наводя блеск. Похоже, что чистильщик устал, тяжело дышал, отирал нарукавником пот со лба и лица. Завершив с одним сапогом, откидываясь от него, смотрел на свое произведение, шурился, слово от яркого солнца, и выдыхал: –Ах, как горит! Командиру нравится? Тогда беремся за второй. А сапоги действительно горели блеском и жаром. Военный привычным движением гашения и размазывания окурка, брошенного на тротуар хоть в Риге, хоть в Берлине, начинал вертеть по очереди сапоги на носках, выворачиваясь, стараясь увидеть пятку, чтобы оценить работу. Из дней победного мая до наших дожил анекдот. По улице Берлина шагает солдат, сморкается пальцами и растирает продукт носком сапога. За ним идет немка. Обгоняя солдата, говорит на ломаном русском: –О, русиш, культуриш! Солдат в ответ – А как же, бабка, – нас за это чихвостят. Потом совал руку в карман галифе, доставал затребованный рубль и лихо шлепал его на протянутую грязную ладонь чистильщика. –Жду вас, господин генерал, еще и еще! Повышенный в звании обласканный воин брал под козырек и уходил счастливый играющей от удовольствия походкой, гордо вскинув голову и поглядывая на встречных девушек – не зацепил ли он какое-нибудь сердце своими блестящими сапогами? Начищенные военные и гражданские лица в сапогах и гимнастерках без погон создавали новые или возвращали к жизни государственные службы, учреждения, больницы, школы, транспорт. Их стараниями уже в 1945–1946 годах открылись латышские и русские школы с изучением немецкого и английского. Школы заполнили сыновья и дочери военных и гражданских лиц, приехавших в Ригу и Латвию. Многие из них стали директорами

заводов, проектных и учебных институтов, председателями колхозов и агрономами, вошли и возглавили правительство. Военные и отставники вселялись в квартиры в центре города. Высокие чины – квартиры хорошие, большие, оставленные немецкими офицерами и аборигенами, бежавшими с отступавшей немецкой армией.

В семье офицера–летчика подрастала дочь Нелочка. Свою куклолку папа с мамой привели в школу, в которой она через десять лет получила аттестат зрелости из рук директора Антонины Павловны Морейн.

Вручение аттестата Нелочке

Можно улыбнуться словам «аттестат зрелости», придумали же когда-то название документу. Какой зрелости? Зрелости чего и для чего? Знает ли человек – созрел он, зрел ли он или еще незрелый – зеленый и дозревает? Для школы, если оценки «удовлетворительно», наверно, зеленый. Если выше или совсем высокие – значит созрел. Самооценка выпускника и даже зеленого может быть выше школьной. Ее не удержать в себе, и она вырывается в некоторых высказываниях. В речах выпускников звучит:

—Буду поступать, поеду в Москву, во ВГИК, в МГУ, МАИ, буду врачом, инженером, летчиком. И весе буду, буду, буду. Редко, даже неслыханно.

—Пойду на завод.

Став специалистом, гордится своими разработками, изделиями. Научный сотрудник счастлив от первой публикации, потом – от защищенной диссертации. Расточник-карусельщик гордится микронной точностью обработки деталей. Те и другие дополняют свою жизнь спортом и новыми результатами. Все растут, зреют, дозревают, и в какой-то период жизни ваш давний знакомый, тоже живший устремлениями в будущее, начинает вставлять в свои высказывания другие фразы.

— В наши годы, в нашем возрасте, ну что ты хочешь – ведь уже не восемнадцать. Вот теперь-то и выдать бы ему аттестат зрелости – созрел окончательно. Не имеет смысла предлагать ему тему беседы, которая была чуть ли не главной в юности, даже если самому очень

хочется, если душа просит. Будет напрасно – уже не поймет. Посмотрит на тебя с удивлением и вопросом:

—Что это ты, о чем?

Случай свел меня с ее одноклассником, который рассказал, что Куколка в их школе была самой привлекательной девочкой, самой красивой во все его школьные годы. Я мог только согласиться с ним. Мечты многих мальчиков устремлялись к ней, но ничью руку к выпускному вечеру и после него она не приняла ни от одного школяра из своей школы. Я не знал о ее существовании, живя своей жизнью на окраине города, вдалеке от центра города, где расцветала Куколка, хотя учился в центральной школе, наверно в десяти минутах ходьбы до ее школы, многие вечера гулял тоже в центре города. Но судьба наверно вела нас друг к другу, и привела к встрече в клубе МВД, тоже в центре, в воскресный танцевальный вечер студента четвертого курса института и недавней школьницы.

Нелочка

И затанцевали – танго, фокстроты, вальсы под оркестр на паркетном полу. Закружились в вальсах, вскружили головы друг другу. Как и все девушки она втайне хотела мужа, семьи, достатка, ребенка. И наверно ей приглянулся этот студент и показалось, что вот он, которого

хотелось, хотя может быть и неосознанно, а просто по зову плоти. И она проявила настойчивость. Папа был в полете, мамы не было, и мы вдвоем сидели за столом в их комнате. Комната большой площади в общей квартире, кухня терялась где-то за изгибами коридоров, куда Куколка ходила за кипятком для чая. Сидели за круглым тяжелым столом, покрытым бархатной вышитой скатертью с кистями понизу. Куколка уговаривала меня жениться. Рассказывала, как командующий, узнав о выдаче замуж дочери его пилота, тотчас выделит отдельную квартиру на всю семью с отдельной комнатой для них, и тогда-то они заживут! Да, мне это было интересно слушать, но ничуть не прельщало, хотя я жил с мамой в одной комнате заводского общежития. Не было у меня в мыслях жениться. Но Куколка все уговаривала. Уговаривала настойчиво и при каждой встрече. И уговорила. Я согласился. Сходили в Загс, подали заявление. В день регистрации она надела белое платье, белые туфельки и мы вдвоем вышли от нее и прогулялись до Загса, где и совершили обряд.

Произошло как в шуточной песенке:

—Отчего, отчего нам жениться суждено? А от того, что кто-то хочет выйти замуж.

Таинство брака состоялось воистину, хотя бы потому, что во всем мире никто, кроме завзагсом, об этом не знал. Моя мама об этом узнала позднее. Не знаю – были ли извещены ее родители, хотя бы мама, поскольку папа был в это время в полетах.

—Сумасшествие, да и только – сказали бы, узнав. Но Куколка была такой. Была требовательной, своенравной, изнеженной и вздорной.

—Славочка, ну почему ты идешь с этой стороны! – Наставляла она меня, и заходила с другого бока. – Славочка, возьми меня под руку, но не держи так крепко.

Ее мама пригласила нас в кафе «Ницца», одно из немногих, в деревянном доме на главной улице центра города. Белая мебель, столы, накрытые скатертями, цветы на них, официантки, красивая книжка меню. В процессе трапезы Куколка внимательно и строго посматривала на меня, ожидая какой-нибудь промашки, готовая тут же осадить. Но голоса не подавала. Поглаживая на меня, тайком от мамы, намекая на что-то, морщила брови, делала строгие глаза, вздергивала плечами и назидательно тихо шептала – Слава! – В разговоре мне нужно было осторожноничать. Куколка была придирчива и могла повздорить по любому случаю. Чувствовал, что в ней кипит недовольство и требовательность. Мне, выросшему на воле полей, озер и рек, впитавшему волю, неподвластному даже маме, ее назидательность тяготила. Куколка работала в проектно бюро, наверно, секретарем начальника. Имела привычку смотреть фильмы в кино-театре «Splendid Palace» по понедельникам, сразу после работы. Однажды я купил билеты. Когда она увидела наши места, возмутилась:

—Славочка, это место не по тебе. Ты не сможешь вытянуть ноги. Прошу тебя следующий раз бери в 12а ряду.

—Но мне и здесь хорошо, –нет, только в 12а!

После этого мы сидели только в ряду 12а. И после Куколки я продолжал покупать билет в этот же ряд.

Мама водила меня все детские школьные годы чаще всего в театр оперетты и реже – в оперный. Запомнилась опера Бородина «Князь Игорь» с половецкими шатрами, музыкой и половецкими плясками, кострами. С большим вдохновением шел на эту оперу, поставленную в Метрополитен опера Нью-Йорка, в надежде испытать чувства, вызванные тогда персидской ночью на сцене в Риге. Смотрел на громадном киноэкране, но постановка была космически далека от жаркой той ночи у Днепра. Все было отдано сотенному танцевальному ансамблю, истории гражданской войны в России, солдатам в форме и винтовками-трехлинейками с призмкнутыми штыками, князю Игорю в наполеоновской форме. Пески Персии заменены гектарами плантации маков. Половцы были вытеснены и забыты. Осталась только музыка от той давней рижской постановки. Князь Игорь был отдан в потеху ньюйоркцам и туристам. Был показан живой зал, заполненный сполна, и в основном, старыми людьми.

Думаю, что мы смотрели спектакли всего репертуара оперетты – «Сильва», «Цыганский барон», «Вольный ветер», «Трембита», «Летучая мышь», «Венская кровь» и другие. А Куколка любила спектакли театра Юного зрителя. Мы стали ходить в него. Первым с нею я смотрел спектакль чешского автора «Волынец из Страколиц». После роскоши оперетт удивила меня простота костюмов, вид героев, одетых в льняные одежды и соломенные или войлочные шляпы, простые сельские картины. Зал был небольшим, и сцена была близка к зрителю. Это привносило впечатление обращенности действия к тебе и почти участию в переживаниях героев. Было очень мило с Куколкой сидеть в полумраке рядом, поглядывать на ее впечатление, чувствовать руку, когда она брала мою и сжимала, переживая события на сцене. Я впервые был в театре с девушкой, которую любил, и от которой таяла душа.

Квартиры по службе отца не предвещалось, и мы продолжали жить каждый у себя. Правда, однажды я остался ночевать у них. В комнате нас было четверо. Родители у своей

стены. Мы – у дальней другой, на широком диване под одним одеялом, но уснуть не можем. Да и они, думаю, не спят, наверно впервые в комнате, где их дочь лежит с мужчиной. Не могу представить состояние душевного, морального матери, но отца, думаю, догадываюсь. Я бы не смог бы этого допустить, а пережить было бы невыносимо трудно. Да и он еще не стар. Ему, пожалуй, было под пятьдесят. Хотя он и мать казались мне уж очень старыми. Мы тайно и тихо обнимаемся, скрывшись под одеялом, целуемся, тяжело дышим, пряча звуки. Не можем сдержаться, и возможно бесшумно любим друг друга. Ужасно состояние отца, когда представляю себя на его месте. Даже не слыша, но догадываясь, что происходит у нас. Какая же может быть жизнь у нее, в этой большой комнате. Если бы она была хотя бы в пол стадиона!

По окончании четвертого курса на летние месяцы военная кафедра меня и других студентов направила на лагерные офицерские сборы в Калининград. Куколка провожала меня на вокзале летним вечером. Лучи солнца поблескивали на рельсах, голова поезда смотрела на Запад расставания. Ни она, ни я не были опечалены.

*Проводы в Königsberg: Гарик Портнов, Слава Смирнов,
Нелочка, Юра Лепилкин с подружкой*

Прощанье проходило без уединения, даже весело. Может быть потому, что впереди было неизвестное интересное, и мои мысли были обращены туда. Проводить пришел мой одноклассник Гарик Портнов, с которым я дружил не первый год. Его не отправляли на сборы, хотя мы вместе проходили обучение на танкистов. Юра Лепилкин, мой одноклассник по 35-й средней школе г. Риги, тоже мой друг. Я были с ним в классной волейбольной команде во дворе школы на бульваре Коммунаров, напротив Академии художеств. Он теперь учился в Институте физкультуры. Не было моего второго друга Олега Ульянова. Он поступил в летное училище вне

Риги. Калининград уже тогда был военизированной областью Союза. Смотрите – на скамейке сидит военный летчик, тоже едет туда же.

Через два месяца я вернулся со сборов, и Куколка сообщила, что сняла комнату на взморье, на станции Дзинтари. Сентябрь был солнечным, и нам было очень уютно в маленькой комнате под крышей двухэтажного домика.

И каждый год после того сентября, когда я прохожу по ул. Иомас, смотрю на то окно, из которого выглядывали мы по утрам, изучая погоду. И каждый раз сердце сжимает тоска о том прекрасном, что было, чем не дорожил, с чем бездумно расстался, поддаваясь дурацким порывам. Удивительно долго держат душу и сжимают сердце воспоминания, до последнего лета, всякий раз остро и больно. Кончался сентябрь, меня ждал пятый курс, и мы выпорхнули из месяца совместной жизни в жизнь порознь. Отношения, как и редкие встречи продолжились. Теперь уже весну мы снова жили вместе на взморье на даче, которую моей маме предоставил завод РЭЗ на один месяц. Осенью я начал работать инженером в заводе, и этой же глубокой осенью мы с Куколкой как-то и расстались. Знал, что Куколка училась в медицинском, стала врачом, вышла замуж.

В морозный зимний поздний вечер зазвонил телефон, и я услышал ее голос:

—Славочка, можно мне приехать?

—Да, конечно можно, приезжай.

Я ожидал ее с большим нетерпением и волнением. Ведь я не видел ее более десяти лет, не мог представить себе ее – какой она стала. Спрашивал себя – Располнела – или осталась прежней? Весела ли и задорна, или угасла? – Наконец звенит звонок, и я вижу ее. Вижу ее в улыбке. Обнимаемся, но только щека к щеке. Поцеловаться оказалось не под силу, словно оба сговорились. После вечернего застолья она хотела тепла и нежности, и я готов был дать. Но ей было все мало, и она шептала:

— Слава, нежней, нежней, – Я же не считал себя грубым мужланом, но нежности ей наверно хотелось от всей жизни, как и мне, всегда ее не хватало, а разве она могла ее дать ей, и мне, а от меня передать ей. У нее были и мать, и отец, но все равно не хватало ее душе еще чего-то. Может быть думала, что меня, что найдет «то», чего не хватало, со мной, помня о прежней нашей любви. Но, наверно, нет. Если бы нашла, то не просила бы о нежности.

В другой раз услышал в трубке ее грустный голос и просьбу приехать. И, конечно, согласился и пригласил. В один день она приехала. Вошла тихая, с поникшей головой, без прежней улыбки.

—Я пришла к тебе с просьбой.

Я улыбнулся и неопределенно ответил:

—Как отказать, если Куколка просит.

—Не отщучивайся, все очень серьезно.

—Хорошо, расскажи, что с тобой.

И вдруг, как гром с ясного неба, она сообщает:

—Я беременна. Но я не хочу, чтобы он знал о ребенке.

—Что-то загадочное, –мелькнуло в моей голове. – Но почему она решила рассказать об этом мне? Возможно, помня о нашем прежнем, решила довериться мне и попросит совета.

В продолжении, она склонила голову, упершись подбородком чуть ли не в грудь. Потом, видимо собравшись с духом, подняла голову и с отчаяньем в лице сказала:

—У нас все сложно, он не подходит для меня быть отцом ребенка, я хочу порвать с ним. Но мама! Мне ее жалко, когда она узнает, что у ребенка нет отца.

В течение ее монолога я представлял себе коромысло весов, на одну чашу которого накладывают и накладываю грузы, вторая все задирается и задирается. Но чем же будет уравновешена, и будет ли? И наконец она продолжила:

—Учти, что ты ведь обещал мне помочь. И я решила просить тебя назваться отцом.

Немногим более пары десятилетий моей жизни дали мне некоторый опыт оценивать ситуации и соответственно держаться – иногда невозмутимо, иногда быстро и горячо реагируя. Здесь же я оказался в полном недоумении и не мог представить себе, как быть и как ей ответить. К тому же примешивалось ее наивное напоминание об обещании помочь. Тут я внутренне, как говорится, завертелся словно флюгер на ветру и ответил:

—Хорошо—, не поясняя, что это могло значить. Куколка была удовлетворена, смахнула слезу, и не стала ни допытываться о моих действиях, ни рассказывать о своих дальнейших. Что было дальше –осталось мне неизвестным, и я заставил себя не звонить ей и не допытываться, проанализировав последствия, которые могли быть реализуй мы ее предложение.

Через много лет Куколка звонит мне зимой и приглашает на домашний вечер к ее однокашнице по медицинскому институту по случаю покупки ими автомобиля «Москвич» Ижевского завода. Я с удовольствием принял приглашение – и Куколку хотел увидеть, какой она стала, и вечер в незнакомой компании, наверно, врачебной – тоже, несомненно, очень интересно провести, да еще и увидеть автомобиль новой марки! В предвкушении многих удовольствий с большой тщательностью выгладил рубашку, отпарил и выгладил брюки, одел мой любимый гонконгский костюм – тройку. Ни один из костюмов латвийского или московского пошива не мог идти ни в какое сравнение гонконгским. Нашел я его в единственном экземпляре в комиссионном магазине на ул. Ленина. Увидев, пощупав, рассмотрев подробно, я был восхищен. Зашли в этот магазин мы троим. Два знакомых инженера, встреченных случайно были страстными любителями спиртного, и вкусили напитков уже сегодня. Когда я вышел из приличной в этом костюме, то из любопытства и для проверки их вкуса, спросил:

—Братъ или не братъ? – на что они дружно отрицательно замотали головами и в один голос:

—Нет, нет, брюки-то длинные, да и весь он какой-то странный.

Мотив их мне был понятен – денег на выпивку не останется, а не купит – как-нибудь уломаем. После коротких раздумий с костюмом в руках, я пошел к кассе и оплатил. В другой раз с одним из этих же товарищей возникла похожая ситуация в мебельном магазине. Предавался венгерский письменный стол из красного дерева, с двумя тумбами и многими ящиками, отделанный перламутровой инкрустацией с позолотой, по цене около 300 руб. На этот раз товарищ все же отговорил меня от покупки. Работая за простым столом на четырех ножках латвийского производства, я сожалею все годы по сегодняшней день, что не купил. Когда одевал выходной костюм, как-то менялось настроение. Казалось лицом светлел. Глаза словно загорались, походка становилась танцующей уже от предвкушения танцев, запаха духов и волос девушек. Несомненно, форма не то, чтобы определяла теперь мое содержание, но несомненно влияла на определенные струны души. Девушки утверждают, что легкая, тонкая, но красивая одежда и туфли обязательно на высоких каблуках греют зимой лучше овчинного тулупа и сапог на меху. И я им верю. Вспоминаю Солвиту, одетую в шелковое платье, тонкие чулки и туфли на каблуке, пришедшую на первое свиданье в первые годы перестройки. Ведь она не взяла туфли для переодевания, а пришла в них. А мороз был сильный. Частный ресторан «Кавказ» согрел нас и названием, и моими рассказами о Грузии, и грузинским вином. Мороз только усилил аромат духов и волос Солвиты.

В прихожей благоухающая Куколка предстала красивой бабочкой в хорошем оперении одежд, в любимом сером шерстяном костюме, туго застегнутом на одну пуговку, да так, что порою казалось – вздохнет посильнее, например, скажет с удивлением «Ах!» и пуговка оторвется под давлением ее выдающихся округлостей. По – дружески обнял ее, расцеловал в восхищении, выдохнув «Ах, какая же ты прелесть!». Аромат духов усилил впечатление красоты, чистоты и некоторой возвышенности ее образа в моем сознании. Предложил Куколке руку, как когда-то сердце, и мы направились в гостиную. Встретила нас хозяйка и предложила пройти к столу, за которым сидело уже много гостей, молодых мужчин и женщин. Хозяйка представила

нас обществу, и мы расположились на своих местах. Я сразу обратил внимание на девушку, сидевшую почти напротив нас с молодым интеллигентным брюнетом с черной вьющейся шевелюрой. Я в течение вечера иногда подумывал – Муж с женой? Или брат с сестрой? – выбрал третье – друзья, любовники, и недавно, по некоторым признакам. Он ухаживал за нею, предлагая то одно, то другое блюдо. Она жеманно то соглашалась, то отказывалась. При этом иногда бросала взгляды на меня. Но это между прочим, ведь главным был автомобиль. Тосты произносились во славу семьи – обладателя этой восхитительной машины, за выдающиеся технические характеристики машины, за любовь, за безотказность мотора, за здоровье и прочие. Я обратился к хозяину с просьбой посмотреть хоть одним глазом на его машину. Он охотно согласился, и мы пошли во двор. Там я увидел ее. От машин Московского завода она отличалась срезанным багажником, была зеленого цвета, и блестела хромированными деталями. Вернувшись с мороза, с удовольствием выпил водки, потом еще и еще. Поставили пластинку, звучит мелодия танго, и я пригласил на танец соседку напротив, осведомившись предварительно у партнера:

— Не возражаете? Позвольте пригласить вашу спутницу?

— Пожалуйста, – ответил тот.

В придачу к обмену взглядами танец подтвердил, что мы нужны друг другу. После ее тепла душа моя противилась расставанию. Щека к щеке и шепотом:

— Бежим? – Да, бежим, с воодушевлением, одним выдохом ответила Люда.

Мы вышли в прихожую, быстро оделись, и не раздумывая, в обнимку, вылетели в мороз надвигавшейся ночи. Остановили такси и приехали в мои апартаменты. Собираясь провожать утром Люду, не мог найти моего гонконгского пиджака. Остановился в недоумении, глядя на Люду, и спросил:

— Не помнишь ли, одеваясь, я был в пиджаке?

— Что ты! Хорошо, что хоть пальто накинул, так мы спешили, боясь погони, – засмеялась она. Я понял, что пиджачок остался, где и был. Как снял я его и повесил на спинку стула, так и танцевал с Людой без него, так и бежал от него. Проводив Люду, в смущении позвонил имениннице, и она подтвердила, что пиджак у них и ждет меня. Приехал и, стыдясь, но ни о чем не вспоминая, почти молча одел пиджак и быстро ретировался. Муки совести, сожаление, стыд – все эти чувства бродили во мне вместе с остатками хмеля. Но ужасное случилось, и прошлого не вернуть. А каково было Куколке, а каково было партнеру Людмилы? Вырисовывались два врага, которых я сам себе и создал. И поделом мне, думал я. Не буду винить вино и прочие напитки, ведь червоточинке во мне самом. Да простит меня господь – только на это и надежда.

Люда оказалась чрезвычайно веселой, остроумной и милой девушкой после двадцати пяти лет. И надо же было к этому времени случиться, что мой вагонзавод первым в стране и Российской империи начал экспортировать поезда в Болгарию. Началось межгосударственное столпотворение. Толпы специалистов вагоностроителей устремились в Болгарию, а болгары зачастили в Ригу. Бюро надежности завода обеспечивало сервисное обслуживание в Болгарии. Специалистам бюро сшили форменные куртки из невиданной черной японской искусственной кожи. Главное – из кожи, т.к. кожаная куртка была немислимой роскошью. А японцы умели придать искусственной коже естественность. Надежники не просто ходили по заводу, а фланировали в полетах мечты и надеждах на командировку в заграничную Болгарию, на что завистники – безнадеежники парировали:

— Мол, курица не птиц, а Болгария не заграница.

Люди в новых черных куртках активно готовились к поездке в Болгарию. Посещения цехов, хождение по узким межстаночным проходам с торчащими и цепляющимися металлическими зацепками, одергивающими их то за полу, то за рукав, то за карман куртки, показали, что японская кожа – не чертова, рвется. Люди в куртках стали людьми в куртках с торчащими язы-

ками вырванной кожи или в швах после заботливых рук жен. Но не всем надежникам удалось поменять японскую кожу на натуральную в Болгарии. Остальные терлись по-прежнему в заводе и могли только встретиться с одним – другим представителем Болгарии. Так и я с Тодором познакомился в бюро информации, которое было приемной базой командированных специалистов Болгарских железных дорог, закупавших наши поезда. Руководителем бюро был пожилой импозантный еврей Виктор Ефимович Жив, умный, обаятельный, остроумный и веселый человек. Иногда он в компании как мантру провозглашал оптимистично:

— Ленин – жив, вечно – Жив.

Болгары с удовольствием обитали в бюро и были всегда хорошо приняты, а в конце рабочей недели еще и бутербродами, выпечкой и с кофе под бальзам. Проходя мимо их двери, и я оказался затянутым к ним этим духом. Случилось, что в бюро оказался и болгарин из Софии – Тодор, с которым меня познакомила сотрудница. Расходясь, мы с Тодором вышли из завода вместе, и остановились прощаясь. Но тут нас почти одновременно посетила мысль зайти в кафе, что, напротив. Рижский бальзам ранее и добавленное теперь шампанское полностью разрушили межгосударственный барьер, и Тодор пригласил меня к себе, в гостиницу «Рига», где он жил с коллегой, на редкие у нас болгарские коньяки «Плиска» и «Солнчен бряг». Принимая коньяк, нас посетили игривые мысли, обращенные к прекрасному полу. Спустились в ресторан, но он выглядел уныло пустым, не на ком было глаз остановить. Тодор как-то тихо спросил меня – не знаю ли я какой-нибудь девушки, которую можно было бы пригласить в компанию. Я вспомнил о Люде. Позвонив ей, пригласил в гостиницу, и немного замаявшись, поинтересовался:

— Людочка, не ли у тебя какой-либо подружки для нашего болгарского друга, забота о том, чтобы она расширила бы нашу компанию до близкого к золотому составу, когда и в чаепитие врывается веселье. – Люда ответила, что подумает, а я тут же направил ее мысли:

— Людочка, подумай о девушке, желательно морально неустойчивой.

Люда рассмеялась, и ответила – Есть такая девушка.

С ее ответом в моей памяти всплыла ставшая крылатой фраза – ответ Ленина на вопрос председателя Думы:

— А будет ли такая партия (видимо готовая взять власть)?

На что Ленин ответил:

— Есть такая партия!

Не знаю, что подумала Люда на мой запрос, я же под «морально неустойчивой» подразумевал одну из таких девушек, которые предав Родину, могли выйти замуж за иностранца. Были и выходили, и уезжали из страны. Тодор выглядел вполне женихом.

В фойе мы с Тодором, горящим надеждой и любопытством, встретили Люду и подругу, назвавшуюся Ларисой. Лариса предстала завитой блондинкой с необычайно выдающейся грудью, заметно старше моей Людмилы. На Тодора Лариса произвела сильное впечатление. Он стремительно шагнул к ней навстречу, протянул руку, по-пьяному лихо щелкнул каблуками, поцеловал ее руку и выдохнул:

— О, Лариса! Я Тодор.

Поднялись в номер, от Ларисы и Люды стало как-то тесно, и я пригласил всех к себе для продолжения банкета. На такси приехали ко мне. Началось привычное застолье, потом танцы. Настала глубокая ночь. Уже не до веселья, пора отходить ко сну. Я отвел Тодору с Ларисой гостиную с раздвижным диваном и стал готовить нашу постель в спальне. Но Тодор все ходит как неприкаянный из комнаты на кухню и обратно, не стремясь к предназначенной судьбой к своей Ларисе, а норовя взять за ручку Люду и увести ее туда, где ни меня, ни Ларисы нет. И тут вкралось в меня подозрение – уж не задумал ли он разлучить меня с Людой? Я решительно подошел к воркующему голубку, взял за руку Люду и увел в спальню. Направляясь в кухню, столкнулся с хмурым Тодором, и он повел со мной такой разговор:

—Мне очень нравится Люда, а Лариса мне совсем не нравится.

—Ну и что же? Проводи ее домой и простись. Ведь ее Люда пригласила по твоей просьбе.

—Но ведь ты не женишься на Люде. Зачем ей оставаться с тобой.

Такая прозорливость поразила меня. Тодор видит нас впервые, несколько часов, и уже раскусил меня, и определил Люду своей невестой. Без нее ее посватал. На это я твердо предложил Тодору:

—Ложись, друг, спать в гостиной, а в каком составе – один или вдвоем, твое дело. Мы с Людой устали и хотим спать. Спокойной ночи.

Просыпаясь, я слышал шаги гуляющего по комнате Тодора и похрапывание Ларисы. Заснул и был разбужен хлопнувшей дверью. Вышел, заглянул в гостиную. Лариса сладко и уже беззвучно спала. Болгарский жених ушел. Встречаясь в заводе, Тодор отворачивался от разлучника. Надеюсь, что он обрел все же счастье на родине. Надо же, как у болгар быстро – едва увидел увидеть – и уже жениться. А у нас? Кто-то всю жизнь примеряется, да так и остается холостым.

Серым морозным утром наша поредевшая компания собралась в кухне за завтраком. Мы с Людой веселые немного поиздевались над хмурой Ларисой.

—Ну, что, подруга, проспала жениха.

—Да какой-то он суетной. Все никак не мог улечься, ходил по комнате, курил. Я ему говорю:

—Тебе завтра, наверно, на завод, к поездкам, а ты все полуночищаешь. Стал говорить о каких-то проблемах с наладкой. Я ему:

—Брось, там не ладится, так хоть здесь наладь. Ложись спатеньки, и успокойся, – Лег, затих, а проснулась – его нет. Ах, брошенная я, покинутая.

Я смеясь утешил Ларису:

—Еще не вечер, пойду и я на завод, встречу Тодора, объясню, что у нас так не поступают, и одумается целомудренник.

Люда развлекла нас своей историей, которую мы с интересом выслушали. Было это несколько лет тому назад, летом, очень я была еще молодая. Шла по парковой стороне нашей главной улицы. Мимо меня медленно проехала «Волга». Иду дальше, машина остановилась, и из нее вышел средних лет мужчина какого-то благочинного вида по своим манерам, даже по шагам, которыми он направился мне наперерез. С извинениями попросил остановиться.

—Сударыня, простите меня, но мне хотелось бы сделать вам предложение.

Мужчина очень порядочный, сразу поняла и не испугалась. Бывало, что выйдет из машины какой-нибудь кавказец, горящими глазами в белках как закрутит, посмотрев на тебя, так не знаешь куда бежать. Этот – другое дело.

—Так говорите, – отвечаю.

— Я православный священник, служу у нашего преподобного. Он стар и немощен. Вся паства и мы желаем ему многих лет в молитвах. Но взор его не весел, и оживляется, мы заметили, только в службе, когда обращается к хорошенькой прихожанке. А вы очень хороша, но на службах не бываете, наверно.

—Да, как-то не соберусь.

— Наверно вы в комсомоле, и потому не можете?

—Нет, нет. Запретов нет. Сама виновата.

—Милая девушка, не могли бы вы оказать нам честь и навестить?

—Могу, почему же нет. А когда?

— Да вот теперь же. Пожалуйста в автомобиль.

—И вот, девчонки, уселась я в «Волгу» на переднем сиденье. Ехали недолго, немного в стороне от центра остановились у ворот перед домом в заборе, ворота открыл служка в черной длинной рясе. Доехали до крыльца дома и вышли. Тот же мужчина, наверно священник,

предложил пройти в трапезную. Комната с иконами, лампадой горящей, столом деревянным на несколько человек, на стенах иконы и картины с библейскими сюжетами. Села на обитый красным бархатом мягкий стул. Священник попросил немного подождать и вышел. Пришла монахиня с самоваром, поставила его на стол, вышла и вернулась с подносом для чаепития. Потом принесла пироги и предложила угощаться. Все очень странно, жду с тревогой и интересом чего-то. Сажу одна, пью чай, кушаю пироги с пшеном и капустой – все очень вкусное. Раздался колокольный звон. Вошел прежний священник, уже в церковном облачении, сел напротив и говорит:

—Милая девушка, не сочтите за грех, а за благо, мои следующие слова. Преосвященному нездоровится, он лежит в покоех, в опочивальне и просит вас предстать пред ним в образе Евы. Благодарность его будет не только в молитве, а возблагодарит он вас сторицей.

—И тут я все поняла. Что делать? Мне кровь бросилась в голову, чуть не закружилась голова.

—Но я к нему не подойду! – почти крикнула я.

—Хорошо, сударыня, так и будет.

Мы пошли к двери, он открыл ее передо мной, и я вошла в затемненную комнату. Поразили запахи – и лекарств, и ладана, и свечного. На высоких подушках на кровати лежал старец, укрытый стеганым цветным одеялом. Лицо было трудно разглядеть, но явно стар, тяжело дышал. Священник вышел. Старец обращается ко мне:

— Дитя божье, отойди к дальней стене и разоблачись для доброго деяния.

Отошла, волнуясь, дрожащими руками стала сдергивать с себя платье, стою как дура в комбинации.

—Уподобься одеянию Евы, дитя мое. – Слышу слабый голос. – Не бойся.

Стала снимать остальное, думая, если он начнет вставать, или кто зайдет – схвачу быстро платье, накину и бежать. Но он не шевелится, и никто не входит. Стою совсем голая, одна рука внизу, другой грудь прикрываю.

—Помолись за мое здоровье, дитя мое, – слышу слабый голос. Повернула голову к иконе и крещусь, а второй все прикрываюсь. Остановилась, опустила руки, стою. Он смотрит на меня, потом закрыл глаза и затих. Открыл, с трудом крестится и шепчет:

—Прости меня, господи боже за грехи мои.

—Не из-за меня же, какой тут может быть грех? – подумала я, и стала одеваться, а

он замолчал и закрыл глаза. Тогда я потихоньку, на носочках, с туфлями в руке вышла.

Ко мне подошел священник, низко поклонился:

—Благодарение бога вам, сударыня. Вот вам наш подарок, – и подал резной разукрашенный деревянный ларчик на крючке. Я взяла, сказала спасибо. Священник проводил меня к машине и велел шоферу отвезти, куда мне надо. И вот я с вами! Дорогой домой все думала

—Согрешила я или нет? А ему-то что от этого, что посмотрел на меня?

—Подожди, Люда, а главное-то – что в ларце было? – спросила Лариса.

—Что? Что? Червончики, милые, красивые и довольно много. Вскоре из газеты узнала, что скончался преподобный. Надеюсь, что он в раю, да и я, конечно же, там буду благодаря тому случаю.

После рассказа я смотрел на Люду другими глазами, и, признаться, думал:

—Да, не случайно свела меня судьба с нею.

Как короткое замыкание в электросети на Люде замкнулась цепь сумасбродств – женитьбы на Куколке, разрыв с нею, побег с Людой, созерцание ее преосвященством, эскапада Тодора.

Но, начавшись, сумасбродства не кончаются, а каким-то образом случаются, и снова, на удивление, с участием болгарина, но другого, и с новым составом действующих лиц – моей

мамы и Иры. Что за удивительная страна Болгария! Рождает мужчин, они приезжают в Ригу, попадают в наши вечеринки и создают конфликтные ситуации, правда не как их соседи сербы, с одного из которых началась мировая война, но все же вызывают некоторые волнения. Этому дню предшествовали чуть более пятидесяти лет моей жизни с мамой, Анной Ивановной, и несколько лет встреч, отношений и расставаний с Ирой, достойных быть пьедесталом последующих событий. С Ирой у Славы установились отношения в ее двадцать лет, когда он увидел ее впервые в кафе и был просто сражен ее красотой, статью, веселостью и ясным, чистым и звонким голосом. Она походила на белую сирень в разгар цветения. Казалось, что и зимой она останется такой же, даже припудренная легким снежком, будет благоухать. И каждую весну, когда он видел куст белой сирени или букет в магазине, он вспоминал ее.

Тогда, пораженный, Слава сидел за столом за пирожным и кофе, неотступно незаметно наблюдая за нею. Хотел сразу подойти, но постеснялся смутить ее – ведь вокруг могли быть ее знакомые. Когда же она встала и направилась к выходу решительно и смело направился к ней со словами:

— Не может быть, неужели?

— Где родились, вы, где росли, где жили?

— Не скажу. А зачем вам знать?

— Давайте познакомимся. Я поражен вами и не смогу расстаться, не зная – увижу ли вас снова.

Неожиданно, без ужимок и этих «ни за что», «не скажу» ответила, смело глядя Славе в глаза;

— Меня зовут Ира, – и рассмеялась. – А вас?

— Слава.

Слава попросил номер телефона и дал свой. Ира заспешила:

— Мой обед заканчивается, – и побежала.

Слава глядел ей вслед с восхищением и думал:

— До чего красива, высокая, прекрасно сложена, белозубая улыбка, искрится весельем! Чудо, а не девушка.

Он звонил Ире раз–другой, просил о встрече, но она не могла, добавляя к ответу «к сожалению». Славу это огорчало, но добавленное утешало и оставляло надежду – много ли нужно страждущему? Ему же она ни разу не позвонила. Слава понимал, что ее красота очаровывала не его одного, и, наверно, задолго до его встречи с нею.

Когда Николай пригласил Славу на новогодний вечер, у него блеснула мысль пригласить Иру, не смотря на довольно длительный перерыв в общении. Может быть он будет прощен, не будучи виноватым. Приближение Нового года также должно было действовать на душу и настроение Иры как-то особенно, что бывает в это время почти со всеми. В предновогодние дни люди чувствуют себя иначе, чем обычно. Чувство одиночества, воспоминания детства и елочки, подарков, любви родителей захватывают душу и зовут к мечтам и надеждам на их свершение. Слава думал, что Ира тоже находится в состоянии тревоги в душе, надежде и ожидании чего-то, что и названия не имеет. И может быть приглашение в новое общество покажется ей ведущим к тому, на что в душе она надеялась. Слава позвонил Ире, описав как в снегах утопает загородный дом, в котором пылает горячая печка, а из трубы струится дымок, зайчик у крыльца грызет морковку. Ире представленная картина понравилась, и она со смехом ответила:

— Если возле камина будет и столик с шампанским, то соглашусь непременно.

Николай имел собственный дом в Вецдаугаве, что в двадцати километрах от Риги в направлении Слоки, и жил там с женой и сыном. С приглашением Слава связывал надежду снова сблизиться с Ирой. Несмотря на уверенность и даже, пожалуй, большую долю самоуверенности Славы в историях с девушками, Ира стояла словно на горной высоте Эвереста, и потому у него радостно билось сердце от мысли быть с нею весь вечер с надеждой преодолеть

отроги подъема к ней. О покорении вершины он мог только мечтать, ибо она была где-то в недостижимых заоблачных высях. Видеть ее, быть рядом с нею – это уже почти счастье. И Слава пригласил Иру.

Праздничный стол был накрыт в гостиной с окнами от пола до потолка. Большая украшенная ель упиралась макушкой в потолок и заполнила угол гостиной, издавая еловый аромат. Под невысоким потолком сияла хрустальная люстра, ярко освещавшая весь зал. У стены белела изразцовая сильно натопленная печка с горящим камином. И при небольшом морозе в зале было тепло, светло и уютно. Ира, несомненно, украшала новогодний вечер этого небольшого общества. Если вдруг опали бы все игрушки с елки, потухли ее лампочки, а Ира осталась, то яркость вечера потеряла бы немного с ее пышными светлыми локонами, сияющими глазами и звонким смехом. Выделялась и молодая интересная блондинка Сандра, на которую Николай поглядывал частенько и заметно для всех, не исключая и жены. Николай работал скорняком в мастерской с отцом и братом. Возглавлял ее отец, уже очень пожилой, спокойный, уравновешенный, словно собирательный образ еврейских мастеровых, которых Слава застал в первые десять–пятнадцать лет пребывания в Риге. Он был широко известен не только в Риге, но и в Москве. Его приглашали шить шубы в Кремль мужьям и женам властителей страны. Как же оказался Слава в таком доме? Семья скорняков выделялась своей зажиточностью и превосходила в этом все другие профессии и должности, которые работали или служили социалистическому отечеству, тогда как скорняки были из совершенно иного мира – из мира частного предпринимательства, окружавшего Советский Союз и соцстраны. Славу с Николаем познакомил слесарь завода «РВЗ», Борис Смирнов, работавший на тяжелой завершающей операции снятия заусениц с зубьев шестерен и колес тяговой передачи после фрезерования зубьев. Борису приходилось изо дня в день поднимать сравнительно легкие шестерни и переворачивать тяжелые зубчатые венцы колес весом под восемьдесят килограммов. Эти шестерни и колеса для экспериментов, которые проводил Слава, и познакомили его с обдиравшими с них заусенцы Борей. Слава приобрел хорошего друга, провел исследования по износу и заеданию тяговых зубчатых передач электропоездов «РВЗ» и получил несколько расчетных зависимостей, вошедших в справочники для инженеров. Борис был симпатичным парнем, энергичным, веселым, жизнерадостным. Слава провёл с ним несколько необыкновенно интересных вечеров, и, конечно же, под выпивку. Но выпивка – это дело обычное, а необыкновенным были игра на пианино и пенье Бориса за пианино в квартире Славы. Слава таял душой, слушая игру и пенье Бориса. А Борис, Слава видел, весь отдавался игре и пенью. Душой Борис ну никак не подходил к слесарному участку мрачного механического цеха, наполненного разнообразными звуками обработки металла. Ему бы витать в артистических кругах или на сцене! Николая с Борисом связывала страсть к рыбалке, которая Славе показалась самой важной частью их жизни. Николай с упоением, без перерывов на танец с женой, все танцевал и танцевал с Сандрой. А Сандра танцевала и все смеялась, и смеялась. Танцуя, Сандра откидывалась, кружа Николая как в латышских танцах, и видно было, что у обоих кружатся головы друг от друга. Слава все время был возле Иры, танцевал только с нею, и любовался ею, почти не отрывая глаз, радовался, видя, что Ире все нравится. Поздним вечером всей компанией пошли к морю, но их остановили глубокие снега. Не было протоптанной тропинки, брели по колено в снегу. Вышли к берегу озера в свете луны, перестав разговаривать, затихли, каждый по-своему впитывал глазами и душой снега, завалившие землю, звезды в небе и тишину ночи. Слава впервые оказался зимней ночью среди снегов. Смотрел на снежную равнину озера, поднимал голову и видел луну среди звезд, зачем-то вслушивался, но слыша только тишину. Ира стояла рядом молча. В ее душу наверно проникло величие природы и крохотность человека, она искала защиты и шагнув к Славе, прижалась к нему. Он впервые за вечер почувствовал, что она с ним. Ночь словно свела их. Глубоко повздыхав, выпустив в ночь «охи», «ахи» восхищения все вернулись в дом. Зал показался теперь маленьким, словно заброшенным. Слава почувствовал, что главное было в

снегах, и праздник сник. Сели все же за стол, наполнили бокалы и подняли тост за наступающий Новый год, каждый пряча в себе пожелания. Близилась середина ночи, Слава вызвал такси, и они с Ирой уехали. Подъехали к ее дому, вышли, обнялись и дружески поцеловались на прощание. Слава звонил ей на следующий день и потом, но попадал всякий раз то на маму, то на папу, удивляясь – куда же пропала Ира. В начале лета Ира позвонила сама и сказала, что вышла замуж. Муж закончил обучение в военном училище, стал офицером, и они уезжают на его место службы в Забайкальский военный округ. Через несколько лет она вернулась с сыном, но без мужа. И начались наши настоящие встречи, заполнившие до краев чашу жизни и даже бившие через край. Ира рассказала о нелегкой жизни в казарме. Показала свои руки, предложила провести по ладоням. Ладони оказались шероховатыми, походили на наждачную грубую бумагу.

В первый год перестройки–распада Союза, в Риге появились новые кафе и рестораны, и глубокой осенью Слава с Ирой и Юра с женой расположились в таком новом ресторане. Слава предложил его по особой причине. Ресторан находился на первом этаже шестизэтажного дома, который стал собственностью его знакомого Наполеонида, бывшего генерального директора организации, занимавшей это здание, и приватизированное им. Зал был оформлен с хорошим вкусом, с лепниной и мрамором, светел, ярко освещен. Наш стол был роскошно сервирован, соответственно первым успехам частного предпринимательства и Славы и Юры, а вместе с красивыми девушками в вечерних нарядах память приводила времена НЭПа 1924 г. России. И верно, они шикавали. Юра не проявлял к жене особого внимания, и Слава из соображения вежливости и внимания ко всем и Алле предложил тост

—За сияние глаз блондинок и Аллы.

Бокалы с шампанским опустели, а Ира притушила свое сияние и чуть отстранилась от Славы, давая понять свое отношение к его восторгу. Он посмотрел на Иру, но она не повернула голову к нему. Слава намек понял, понял, что Ира тост восприняла чуть-ли не обращенный против не. Продолжение вечера без сияния Иры потускнело. Ира оказалась настолько болезненно чувствительной к этому дежурному комплименту, настолько буйно ревнивой, и так холодно простилась с ним, что не понять, что это насовсем, было невозможно. Слава задумался о произошедшей вспышке Иры, поставил себя на ее место, и решил, что и он был бы близок к подобному финалу в отношениях с девушкой, поведи она себя подобно ему.

– Какая тут ревность? Она – личность с чувством собственного достоинства. И своим комплиментом я задел его, – ответил себе Слава. И теперь, уже на расстоянии, к многим прелестям Иры добавил еще и достоинство.

Слава довез Иру до дома, и она холодно простилась с ним. На звонки отвечала отказом.

Слава часто вспоминал Иру, тот зимний вечер у Николая, последний вечер в кафе и ее буйную реакцию на его комплимент Алле. Где она теперь, что с нею? Воспоминания Славы проникли неведомыми, может быть, какими-то небесными путями с участием Всевышнего к Ире, и судьба свела нас снова в начале перестройки, когда Латвия уже стала независимым государством.

Этот свой день рождения я решил отметить в баре «Мелодия», в подвале, под двадцатью четырьмя этажами гостиницы «Латвия». Для этого были две причины. Во-первых, мне казалось, что маме будет интересно увидеть ресторанный мир в самом популярном заведении города. Хотелось ее развлечь и отвлечь от многолетнего однообразия ее жизни – работы и бытовых хлопот. Во-вторых, мне хотелось доставить удовольствие моей любимой девушке Ире. К тому же, я недавно, на ее день рождения подарил ей платье, которое меня восхитило фактурой ткани и цветом. Оно было латвийского производства, необычного почти насыщенного желтого цвета, трикотажное, которое страстно обтягивало ее богатства, не закрывая восхитительного живого наполнения немного выше колен, и очень хорошо гармонировало с ее

пышными светлыми волосами, белозубой улыбкой и светлым солнечно-желтым характером. Мне хотелось видеть ее такую шикарную в этом платье.

В баре играл оркестр, пели солист и солистка. На столе были все атрибуты праздника. Я танцевал с Ирой. Оркестр заиграл очередную мелодию, и вдруг к нашему столу подходит мужчина и просит разрешения пригласить на танец Иру. Я отрицательно мотаю головой. Он отходит. Через несколько танцев подходит снова и, не спрашивая меня, приглашает Иру. И надо же! Ира встает и идет с ним танцевать. Мое понимание правил хорошего тона было попорчено как пришельцем, так и Ирой. Согласие Иры я воспринял как оскорбление моих чувств к ней. Ира вернулась, села и рассказала, что он из Болгарии, в командировке. Через некоторое время официант приносит и ставит на наш стол букет цветов. Нетрудно было догадаться и Ире, и маме, и мне – от кого они. Я возразил, и просил официанта не ставить их, но мама с Ирой зашебетали:

—Славочка, пусть стоят, что туту плохого.

Цветы остались и благоухали, а я дрожал от возмущения, что обе женщины приняли это подношение из чужих незнакомых рук человека встречного – поперечного. Причем, ни на секунду, не подумав о моем восприятии и отношении к этому. Простительно маме, пожилой женщине – могла и не сориентироваться в ситуации, но Ира! Приняла только как признание своего очарования, потеряв голову. Ей бы знать анекдот как за ужином в ресторане девушку грузина приглашает на танец некий «Ванек»:

—Позволь пригласить твою девушку, – обращается к грузину. Тот отвечает:

—Нэт! Кто ее кушает тот ее и танцует.

А я ушедшую Иру не хотел «кушать» глазами. Для меня вечер был испорчен, дальше оставаться было невозможно, и с согласия гостей я рассчитался. Встаем, собираясь уходить,

Ира тянет руку к цветам с намерением забрать их с собой. Я угрюмо взглянул на нее и сердито выдохнул

—Нет, нельзя. —И тут моя мамуля подлила масла в огонь.

—Славочка, ну что в этом плохого, ведь их подарили, возьмем.

—Нет, — сказал я маме, — обнял обоих за талии и почти поволок к выходу. Цветы остались на столе. Я был удовлетворен, но было как-то неприятно, понимая, что даритель видел мою борьбу с неразумными женщиной и девушкой. Нельзя же из чужих рук, женщины, при мне, живом-то!

—Быть может цепь событий уже случившихся, и все сумасбродства зачтутся благими деяниями, и выведут меня, грешного, на путь добродетели. Да и были ли сумасбродства только моими? Нет. Прелестный слабый пол был в этом тоже силен.

После многих лет, прошедших с того новогоднего вечера, Слава с товарищем зашли в бар — через дом от бывшего кафе «Лира». Слава заказывал и удивлялся любезности невысокого роста плотной светловолосой буфетчицы. Она просто сияла радостью, обслуживая его, улыбалась, шутила и смеялась. Славу это немного удивило, а потом она услышал:

— А я вас знаю, вы Слава. Ведь вы были зимой у Николая с девушкой.

— Да, был, — ответил Слава, — вглядываясь в нее и будоража свою память, стыдясь, вместе с тем, что не может вспомнить этой женщины.

— Меня зовут Сандра.

И тут Слава ясно вспомнил тот далекий вечер у Николая с Ирой, танцующую и смеющуюся Сандру. И того более, ведь он бывал несколько раз уже в другом доме, хозяйкой которого была Сандра, а ее мужем — Николай, и забыл ее — настолько Сандра изменилась, и только после ее слов, он узнал и вспомнил ее. С Николаем она разошлась, теперь она замужем за другим, у нее дочь, учится в университете в Лондоне, и к тому же, уже ведет там какой-то бизнес. Рассказала, что Николай давно живет с другой, отчаянно выпивает, оставил скорняжную работу, трудится слесарем домоуправления. Зайдя в другой раз в бар, Слава встретил улыбающуюся и смеющуюся Сандру, и услышал от нее, что Николай умер, что она была на его похоронах. Дальше она продолжила принимать заказы, улыбаясь и по-прежнему смеясь.

Нелочка всегда оставалась в моей памяти и часто ярко приходила в воспоминаниях, и вдруг наяву пришло известие о Нэлочке — звонок и незнакомый женский голос:

—Здравствуйтесь, вы Вячеслав?— Да, я.

—Я подруга Нелочки, Надя Шубникова. Нэлочка умерла, и нужны данные о ее датах. Ведь у вас, наверно, есть брачное свидетельство. Это нужно для оформления каких-то документов.

—К сожалению, я не помню, чтобы я его встречал в моих бумагах, но поищу и позвоню вам. —Хорошо,—ответила Надя.

Мои поиски во многих накопленных за многие десятилетия бумагах не принесли ожидаемого результата, и вызвали удивление — как мог потеряться этот единственный документ? И только в военном билете офицера — запасника нашел запись: женат, Смирнова Неля Васильевна, но без дат рождения. Огорченный позвонил тотчас Наде. Через несколько лет и многих воспоминаний о Нелочке решил побывать на ее могиле и позвонил Наде с просьбой провести меня на могилу. Она согласилась. Поскольку многие уже отказались от стационарных телефонов, я подумал, что и Надя может отказаться. Поэтому я попросил дать мне мобильный номер. Но она отказала и заверила, что никогда не откажется от прежнего.

Когда-то мой однокашник Наум Брод познакомил меня со своим другом, рижанином Сашей Блатом. Наум жил в Москве, а я иногда стал встречаться с Сашей, и узнал, что он и Нелочка учились в школе номер 40 Риги. Саша с восхищением рассказал о том какой прелестной она была, как ее обожали многие мальчишки, как хотели к ней приблизиться, что она

была самой красивой в их школе. Саша знал, что она ушла из жизни, и просил меня взять его и вместе посетить ее могилу. Я обещал, Саша был настойчив. Я обещал неоднократно, но каждый раз откладывал и откладывал. Даже звонил Наде и обещал в выходные приехать к ней и вместе пойти на кладбище. Она жила в районе Иманта, и от нее, до кладбища Лачупе было недалеко. Познакомиться с новым человеком, знавшим Нелочку, знавшим о ее жизни перед кончиной, было мне интересно, т.к. я о ней не знал. Нелочка давно исчезла из моего поля зрения. И вот я, что называется дособирился. Саша, так хотевший увидеть ее могилу, сам умер. Это вдруг случилось так просто, что жуть охватывает. Десятого января 2016 года Саша поскользнулся, упал, пришел в Первую больницу, что была вблизи, и был заботливо положен в коридоре. К нему срочно явился старший сын – большой бизнесмен и добился перемещения Саши в палату. Появились признаки воспаления легких, был отек, лечили, выписали. Я позвонил Саше. Он говорил очень тихо. Чувствовалось, что обессилен. Сказал, что подключен к системе искусственной вентиляции легких, что было очень трудно дышать, а теперь немного легче, но разговаривать еще трудно. Голос его звучал как шепот. Простились. Оказалось, что навсегда. Одиннадцатого марта он умер. Узнал я об этом из е-майла, отправленного его сыном в несколько десятков адресов, по которым Саша имел переписку. Увидел я его уже при отпевании. Все произошло в два месяца. Жена его была довольно жестким человеком, не гладила его по голове, не восхищалась его талантом собирать всю жизнь шутки-прибаутки, систематизировать профессиональные события самого, как инженера-строителя, и проектной организации, мягким, добродушным характером. В общем, его, уже взрослого, я определял милым мальчиком. Саша создал картотеку разработок проектного института. В нее вошли все построенные за сорок лет работы Саши объекты в Латвии, Риге и других городах страны. Стройки и даже этапы строительства были сфотографированы. К примеру, в Риге, в самом центре была гостиница «Латвия», кажется двенадцати этажей. По диагонали перекрестка на нее смотрел бы памятник Ленину, поверни он голову влево на сорок пять градусов. Саша заснял этапы сноса ресторана «Молочный», любимого мною и не только, а, пожалуй, всеми рижанами, строительства гостиницы «Латвия», сноса в 1999г. не повернувшего к ней головы Ленина – и автокран, и канат вокруг горла, и наклоненного, и расчлененного на земле вождя, не хотевшего смотреть на гостиницу. Собираемые им шутки Саша называл «смешурками», собрал все в книгу, сам ее переплел в коже. С этими шутками Саша выступал в обществе знакомых, читал их. Рассказывал, что многие смеялись, и он считал, что это было признанием его писателем-шутником.

Министр строительства в отставке решил увековечить свою деятельность на посту, и стал собирать материалы для книги. Саша рассказал о неожиданном для него событии.

—Александр, надеюсь вы помните своего министра строительства Земниекса?— прозвучало в телефоне.

—Как же, как же, Ян Карлович, конечно помню.

—Александр, мы тут с товарищами собираемся написать книгу о великих стройках в Латвии в наше время.

Рассказывая, Саша с ухмылкой добавляет, – нам шишки, им сосиски. В продолжение я слышу –Вы, я помню собирали данные об объектах, а выезжая на них фотографировали. Эти материалы очень быгодились для книги, и украсили бы ее. Вы, конечно, будете одним из соавторов, и станете в истории Латвии незабытым. Было бы хорошо получить некоторые. Я был бы вам благодарен. –Мне идея о книге пришла очень по вкусу, я согласился, и мы сразу договорились о встрече. Ждал я ее с нетерпением и интересом. И вот в начале лета в мою квартирку с маленькой прихожей вошли трое очень корпулентных товарища – бывший министр и двое известных мне по проектному институту коллег. Пришли и принесли набор вино-водочных продуктов и разные сладости. Обсудили в общих чертах содержание и фотографии будущей книги, придумали название и вдохновленные идеями разошлись.

В остальные встречи и телефонные разговоры Саша о книге не вспоминал, но всегда напоминал мне – Когда же мы все же навестим Нелочку? – Я снова обещал. И вот Саша уже третий год идет как Саши нет, и что-то меня подтолкнуло к мысли посетить могилу. Звоню Наде – подруге Нелочки, но стационарный телефон уже не существовал, номер ликвидирован. Умер очередной свидетель нашей жизни. Ее мобильного же у меня не было. Так прервалась неустановленная встречей связь с знавшей ее в последние может быть дни. Поехать же кладбище Ласуре в Риге так и не собрался. Обратился к интернету, и нашел сайт cemetery.lv, по которому можно искать могилы. Ввел ее имя и фамилию, и к удивлению, обнаружил ее могилу в г. Лиепая (1989, Liepāja, Dienvidu). Как же так? В Лиепаве, за двести километров от города, в котором она жила, в котором умерла и была похоронена. Свидетелем тому – Надя, ее подруга, звонившая мне. Как жаль, что не могу связаться с Надей. Возможно, она пролетит свет на эту посмертную перемену. Пришлось задуматься и строить свои версии. Из повествования Нелочки при ее визите ко мне, я знал, что она была замужем за студентом из их студенческой группы, но не хотела продолжения с ним, и хотела избавиться от ожидаемого от него ребенка. Он чем-то ей был не мил, и одной из отрицательных его черточек она назвала плохой слух. Предположим, что он закончил медицинский, стал врачом, и был направлен работать в г. Лиепая. Возможно он знал о смерти Нелочки, был на похоронах. Мог и не знать в те трагические дни, а узнал потом. Хранил в памяти воспоминания о ней, возможно, навещался к могиле. Бывать или не бывать у могилы, вспоминать или забыть – этому могли способствовать многие причины. Если он встретил другую женщину или женился на другой, то воспоминания и притяжение прошлого то возвращались, если был одинок, то были живы и могли крепнуть. Мой последний звонок Наде был около пяти лет тому назад, и она была готова навестить могилу. Но она тогда могла и не знать о переносе захоронения. Может быть она и сегодня не знает о произошедшем. На фотографии памятник выглядит новым. Возможно поставлен недавно. Мои рассуждения могут быть и неверными. Например, ее муж, а может быть и другой мужчина или женщина – неизвестные мне, почитавшие Нелочку, и скорбящие по ней, поминающие ее ежедневно в молитвах, живущие в г. Лиепая решили поставить в ее честь кенотаф, поскольку было очень хлопотно вскрывать могилу и перевозить прах из Риги. Такие надгробия возводили в древней Греции, Римской империи и в последующие века воинам, погибшим в дали от дома. Если администратор скажет, что эксгумация не производилась и могила в Риге сохранилась, то можно быть почти полностью уверенным, что в Лиепаве поставлен кенотаф, если, конечно, эксгумация не произошла под покровом ночи. В шестидесятом Нелочка появилась и открылась мне, а через тридцать лет ушла загадочно. Но я уверен и рад, что есть еще одна живая душа, хранящая о ней память. А кенотаф ей – это светлая память.

Бежал в Париж

На шести сотках земли, давших радость и счастье приобретения молодому владельцу Юре, коренастому блондину, с улыбкой и ухмылкой на лице, теперь стоял построенный им дом. Если в сказках предлагалось на выбор исполнить одно из трех желаний в мечтах, так у Юры два уже исполнились – у него есть дом и автомобиль. На участке, огороженном сеткой забора, от крыльца двухэтажного дома, вдоль поленницы, старой ванны и наваленных досок вела тропинка к недостроенной баньке, возможно, вела к исполнению третьего желания. Указанные предметы ограничивали с одной стороны главное поле будущих событий – песчаную полянку с бедной травкой, а с другой – сеткой, вплотную к которой проходила проселочная грунтовая, а точнее, песчаная дорога. По этой дороге подъехала машина и из нее вышли Юра и семейство – жена Алла, дочка Виктория и сын Игорь. Все блондины, и дети в родителей – тоже светловолосые. Виктория десяти лет, Игорек около пяти. Они привезли и гостя – Славу, с которым Юра познакомился на курсах изучения почти первой в стране настольной ЭВМ «Искра». Они как-то ни шатко, ни валко поддерживали отношения – то Слава заедет к Юре по случаю вселения в новую квартиру или на Новый год, то Юра – к Славе в его холостяцкую квартиру на окраине города. Жена Алла невысокого роста, симпатичная, очень энергичная с яркими блестящими голубыми глазами.

И вот Слава в гостях Аллы с Юрой. К ним пришли дети из соседних дачных домов, трое или четверо разногодок. Они играют на поляне, мальчики в трусах, девочки в платьицах, юбках и шортах. Из них самая предприимчивая, веселая и энергичная Вика. Она явная заводила. Ее слушаются, ей подчиняются, она душа этой компании. Вика командует:

– Начали!

Дети разбегаются в разные стороны, поворачиваются спинами друг к другу, наклоняются, широко расставив ноги. Один, глядя между своих ног на остальных, бросает мяч, стараясь попасть в кого-нибудь на выбор, и если попадает, кричит

—Ты, задница тупая! – Все смеются, счастливые, резвятся. Играют довольно долго. Наверно надоедает и тогда расходятся кто куда.

Девочка Наташа двенадцати лет, довольно высокая и изящная, с длинными русыми волосами, убранными хвостом, в разноцветном платье лежит на животе на бедной травке и что-то рисует и пишет левой рукой. При этом на лице грусть в отличие от веселых остальных. Слава, тоже считает себя левшой на половину, не на столько, чтобы писать левой. Пишет правой, но все физические действия совершает в основном левой рукой. Правда, играя в бильярд, использует и правую. Когда обычным праворуким приходится изловчаться для удара, изгибаясь, выворачиваясь, он берет кий в левую и в полном удобстве делает штос. Однако, всегда обращает внимание на левшей, считая их родственными ему по этому признаку. Одним из его родственников поэтому считает и президента США Барака Обаму. Слава постоял над Наташей, глядя на ее странные движения левой, и спросил:

– Наташа, ты настоящая левша или нарочно? – Настоящая, – грустно ответила она, – а потом, повернув голову, и, посмотрев на Славу снизу-вверх, спросила:

–А сколько вам лет?

Вопрос оказался для него совершенно неожиданным. Маленькая девочка и вдруг спрашивает его о возрасте. С таким вопросом чаще обращаются пожилые люди к знакомым или случайным встречным в разговорах. Ответ с числом, близким спросившему, словно сближает, как раскуриваемая вместе сигарета. Когда этот вопрос задавали девушки, то он полагал, что есть причина. За вопросом скрывалась примерка, но не как у портного – Подошел, сидит костюмчик хорошо? – Здесь она выясняла совместимость по возрасту – подойдет как жених или уже староват? В ответ Слава, засмеявшись, пошутил:

– Сорок.

– Не может быть, это не правда, – ответила Наташа упавшим голосом, с нотками обиды. Тогда Слава добавил:

– Без нескольких дней. – А про себя подумал. – Если лет двадцать пять добавить.

– Все равно не верю, – заключила Наташа, – и склонив голову к листку, оставила Славу своим вниманием. Славу же заинтересовала и тронула реакция Наташи. Почему она явно недовольна названным им возрастом? Почему это вызвало даже обиду, судя по ее интонации, словно он ответил ей не честно, завысив возраст? – Все это удивило его, и он ловил себя на мысли, что пытается понять ее реакцию. Но ответа не находил.

К обеденному времени к забору подошел мужчина лет сорока, а возможно, и моложе с богатой седой шевелюрой, сильно пьяный, и, держась за забор, позвал:

– Наташа, пойдем домой, – пора обедать. Наташа молча и покорно встала и по виду немного смущенная, тихо бросив народу:

– Пока, – пошла к отцу.

Слова Наташи, произнесенные с сожалением и некоторой болью в голосе, тронули Славу. На душе у него потеплело – этой нежной душе было жалко его за его большие годы, ей не хотелось верить, что он такой старый. А может быть и просто не поверила его сорока, сравнив с папой, которому действительно сорок, а он уже седой, да и здоровьем плох. Наверно слышала, как мать не раз упрекала отца за порочное пристрастие к алкоголю, говоря:

— Образумься, прекрати, уже поседел, а все пьешь! Сколько можно!

Надеюсь, что не была при этом, причитая:

—Пить будешь? А он, зная анекдот, отвечал: –Наливай!

Может быть, для Наташи, как девочки, важную роль, как и в будущем будут, и уже теперь играла прическа и цвет волос. И как свойственно юности, седые волосы воспринимались как признак ужасной старости. Слава же не был ни сед, ни пьян. Наташа и ее «не может быть» остались в памяти Слава навсегда, и при каждом воспоминании о ней и сказанном ею на душе у него теплело, горло сдавливала спазма умиления и подступали слезы. При встречах или разговоре по телефону Слава всегда интересовался то у Юры, то у Аллы:

– Помните, у Вики была подруга Наташа, они тогда играли на лужайке, что с нею?

– Наташа выросла, вытянулась, красивая, и выступает в подтанцовке в какой-то эстрадной группе.

– А как ваша боевая Вика?

– О, Вика учится и подрабатывает в ресторане официанткой, уже взрослая. Боюсь, как бы ресторан не перетянул ее. Слава подумал, что бойкий характер Вики вполне подходит для работы в ресторане, но учебу она может забросить. Да и режим работы не благоприятствует занятиям. Славе хотелось увидеть Наташу, говорить с нею, напомнить тогдашний разговор, и, пожалуй, выведать ее мысли тогда. Хотя, не думал, что она помнит и сам разговор и вспомнит свои мысли и чувства. Но сначала нужно было зайти в ресторан и встретиться с Викой и узнать о Наташе, если конечно Вика его вспомнит. Однако никак не собрался, да и, как всегда, компаньона для посещения ресторана не было. И он все откладывал и откладывал свой выход в, так сказать, свет, в другой свет, который не в пример прежнему, вечернему, теперь только ночной – начинается поздно, длится ночь и заканчивается утром. Оценку отношения детей к нему он впредь воспринимал, вспоминая Наташу.

Не один раз Слава приезжал к дочке, зятю и внучкам. Встречали на вокзале приветствиями, улыбками, чемодан подхватывали, освобождая руки для объятий. Встречали почему-то без цветов. Сам он был привержен встречать гостей после долгого перерыва цветами. Зачем цветы – ведь приезд был не званым, а рядовым, по его зачастую неожиданному сообщению, что, мол, приеду, билеты заказал и оплатил. Случалось, что и для него вылет был довольно

неожиданным. Соблазняли неопытного пассажира сообщения льготных сиюминутно билетах. Слава, пытаясь только прицениться, доходил до суммы, убеждался, что она просто соблазнительно мала, тотчас звонил дочке:

– Беру билеты на такое-то число, пробуду у вас десять дней. Будет ли это удобно для вас? Перенесете?

Дочь никогда не противилась, отвечала без задержки, решительно:

– Конечно, папа, конечно, приезжай.

Позвонил и на этот раз, но в разговоре появилась пауза и обратила на себя его внимание, и это как-то задело душу, еле заметно, словно быстрая тень от набежавшей тучки в солнечный день.

Вся семья за столом в ужин – муж, жена, две дочки – старшая двенадцати лет и младшая четырех. Родители обсуждают неожиданное известие о приезде через полтора месяца дедушки.

Мать:

– Опять наш дедуля приезжает. Он всегда, как снег на голову, не переговорили, не обсудили – удобно ли для нас это время, ведь Настенька еще будет в школе, Лизочку вожу в садик. У папы трудные весенние работы начнутся, а он займет его комнату. И еще собрался на десять дней. Папа:

– Да ладно, как-нибудь переживем.

Старшая Настенька:

– Опять учить начнет, спрашивать какой у тебя средний балл успеваемости, проверять математику. Надоело, я сама все знаю, не маленькая.

Младшая Лизочка:

—Да, Настенька, и меня учит тоже. Как ты сидишь, как ложечку держишь? Ведь, правда, мама?

—Лизочка, не твое дело, дедуля старше тебя и умнее. Ты должна слушаться его. – Лиза плачет, Настенька вытирает ей слезы, говоря:

– Не бойся, я тебя защищать буду.

– А какие салаты дедушка делает! Ведь вкусно же, помнишь, когда он был на Новый год, тебе его салаты нравились, – говорит мама.

—Ну, ладно, пусть приезжает, – заканчивает Лизочка.

Такой или подобный разговор мог происходить и за столом, и в кухне, и в любое время. И в них дедушке отводилась роль атакующего их домашнее поле жизни, а им приходилось бы обороняться. Жить-то лучше, когда тебя только любят и ничего не требуют. Лизочка хочет, сойдя с утреннего горшочка, сесть к телевизору и смотреть во все глаза мультфильмы, открыв ротик, в который мамуля впихивает ложки с едой, а Лизочка отбивается от нее. И никакие окрики мамы – Уйди от телевизора, ешь, а то выключу телевизор, – не помогают. Лизочка свое возьмет, Лизочка не боится угроз, знает, что это все впустую. Мама любит безумно – бездумно, и не позволит себе заставлять ее или настойчиво исполнить угрозы.

Предстоящий приезд отца вызывает в ней напряжение. Мама Влада помнит его последовательность и неотступность в своем воспитании. Помнит, что он сначала два – три раза просил ее что-нибудь сделать, не повышая голоса. Если она не делала, говорил, что ждет, считая до трех. И если и тогда не сделает, получит по попе. И папа всегда исполнял обещанное. Маленькая знала это и никогда не дожидалась счета «три», а исполняла просьбу. Так они и жили хорошо без ее мамы с двух до пятнадцати лет. За это время папа написал и защитил диссертацию и стал преподавать в институте. Дочка, взрослея иногда ездила к маме на день-другой. Влада, естественно, впитывала мамины замашки и образ жизни, ей льстила свобода, вседозволенность. Здесь были ласки и любовь без требований и обязанностей. Детской душе это нравилось, а обязанности от папы напрягали ее. Желание попробованной свободы покорили ее, и в пятнадцать лет Влада бежала от отца, но не к матери. Чрез несколько дней он ее

нашел у подружки, привез домой, выпорол ремнем. Вечером легли спать, а утром ее комната была пуста – Влада сбежала ночью через окно в свою кривую жизнь. Прошла страшным путем десять лет, и вот оказалась женой и матерью двух детей. До этого зажили раны у отца и его мамы, и они, в основном его мать, терпя, приняли ее, но в души уже не пускали, а держали на расстоянии, боясь ее черного опыта.

День – другой по приезде проходил тихо – мирно. Но однажды за воскресным обедом Лизочка вдруг, глядя из пододья на Славу, робко, осторожно говорит:

– Я не люблю тебя, дедуля.

– Почему же, за что, улыбаясь как на шутку, спросил дедуля.

Лизочка не отвечает, потупилась, и снова:

– Я не люблю тебя, дедуля.

Слава почувствовал себя неловко, даже немного ступешевался, не зная, что сказать, что предпринять.

– Это пройдет, Лизочка. Любовь вернется. Мы снова будем любить друг друга.

– Нет, я не люблю тебя, дедуля.

Слава в недоумении, с вопросом во взгляде поглядел на маму, папу, Настеньку, мол, что происходит? Мама:

– Не обращай, папа, на нее внимание. Это что-то с нею странное.

– Лизочка, перестань размазывать кашку по тарелке!

«Я не люблю тебя, дедуля» стало лозунгом Лизочки. Звучал он и в обед, и в ужин, и утром. Оставаясь один, Слава с умилением и нежностью вспоминал разговор с девочкой Наташей. В нем ведь не было слов о любви, а была детская жалость к человеку, который стареет и уже состарился до сорока лет. Слава в своей большой жизни ни разу не слышал, чтобы ему говорили – не люблю. – В отношениях с девушками, даже, если они прекращались, этой фразы не было и от него. Один раз, когда Слава протиснулся в заполненную маршрутку и мельком посмотрел на девушку, отметив про себя, что она не интересна, он услышал от нее вдруг раздраженное:

– Вы мне не нравитесь! – От хамства словно задохнулся, и не нашелся с ответом. Девушка остановила маршрутку и вышла, направившись в ночной клуб, известный по сводкам полиции.

Иногда при встрече Лизочка не изрекала своего утверждения, и, если Слава останавливал свой добродушный взгляд на ней, она сжимала губы, делала жутко злые глаза и отворачивалась. Спасаясь от злой внучки, Слава стал завтракать и обедать отдельно за компьютерным столиком в отведенной ему комнатке. Кушая, вспомнил прочитанный в детстве рассказ о злой внучке, которая держала деда в темном углу комнаты и кормила его черными корками при его беззубом рте. Он дрожащими руками размачивал их и сосал. И Слава решил – Бежать в Ригу.

Так продолжалось несколько дней, в которые то мама, то папа, то сестра журили Лизочку, говоря, что так нехорошо говорить. Но не помогало. Это состояние, когда слышишь периодически, что тебя не любит ребенок, оказалось на удивление самому Славе трудно переносимым, и он решил бежать, как бежал бы от стаи комаров или пчел – хоть маленькие, а досаждают очень сильно. До рейса на Ригу еще несколько дней. Как уехать из Германии скорее? Сел к компьютеру и просмотрел возможные пути побега самолетом, автобусом, поездом. Подошел по времени и цене билета на автобус. Тайком собрал вечером в своей комнате сумку, с тем, чтобы утром покинуть странно гостеприимный дом. Дочка вернулась, отведя в садик Лизочку. Поговорили о том, о сем, и она предложила накоротко съездить в магазин. По дороге Слава заметил турбюро, и у него мелькнула мысль:

– Куда-нибудь поехать по Германии, накоротко, до рейса самолета на Ригу.

Не говоря Владе о моем намерении, беседуя, заметил вывеску туристического бюро, попросил остановить машину и предложил заглянуть – вдруг будет какой-то короткий тур по Германии. Турбюро находилось в районе проживания многих русских немцев – эмигрантов из

Казахстана, в русском магазине. В нем и продукты, и товары, и кассиры – все русское, не говоря о заполнении русскими посетителями. Настоящая Россия из бывших казахстанцев–немцев в Баварии. Здесь же и русский туристический агент. Оказался подходящим автобусный тур в Париж на два дня. Обрадованный Слава оформленный и оплаченный документ схватил, как тонущий хватает спасательный круг:

– Он спасен! Да еще как интересно – Парижем!

И бежал в Париж, как Наполеон из-под Москвы, спасаясь от назойливой Лизы с ее – «я не люблю..»

Автобус заполнен русскими. Простые на вид люди, обычные унылые русские лица. Словно для развлечения нас и нарушения однообразия гудения дизеля в купе на четверых «гудела» компания из двух пар в спортивных ADIDAS штанах на всем пути до Парижа. Нескончаемы были водка и покорное терпение остальных пассажиров. Экскурсии по городу и музеи спасли нас от них – они пропали.

В восемь тридцать утра Слава вышел из автобуса и ступил на землю Парижа, известную ему покрытую французской литературой, картинами, песнями, Наполеоном, Эйфелевой башней. И вот этого нет, открылась земля. Улица круто вверх вела к храму и Монмартру. Поднявшись, осмотрелся и замер над лежащей перед ним панорамой Парижа с охватом в сто восемьдесят градусов. Было пасмурно, свежо и дул холодный ветер, заставляя поеживаться, сжимаясь, но не отвлекая от обозрения бесконечной простирающейся до горизонта городской панорамы. Взгляд скользил по крышам. И только соборы и небоскребы позволяли заглянуть в окна.

Приступило желание, и Слава стал искать глазами вывеску с WC. Наконец, увидел и обрадованно быстрым шагом направился по указателю. Подошел, но был разочарован – закрыт. Хватило терпения вчитаться в объявление на французском, из которого разобрал одно слово ferme и цифры. Ждать предстояло до десяти. Пришлось оставить панораму и искать укромное местечко. Плато горы, на которой находился Слава, обрамляла метровой высоты отлитая цветами чугунная ограда, а за нею ниже простирался невысокий кустарник. В голову пришло воспоминание о прочитанное в книге японского автора «Путешествие вниз по Франции». Он посетил Париж и, вспоминая о запахах Парижа, он называет запахи круассонов, кофе, жареных каштанов, Щанель Nr.5 и задает себе вопрос: –Чем же пахнет Париж? Отмечает названные и заявляет, что основной запах Парижа – это запах мочи в телефонных будках и подъездах домов, а Слава добавляет – И кустарника на склонах Монмартра.

Когда вернулся, и рейс на Ригу подошел. Прощай терзания! Тяжелые воспоминания о том визите остались навсегда, и при каждом подходящем случае Слава спрашивал себя:

– Чем же он так нелюбим Лизочкой? Может быть, и другие примеры будут, и он поймет, что он нелюбим всем человечеством, с представителями которого сталкивает его жизнь? Не изверг ли я рода человеческого? Но подобного с Лизочкой все не встречалось никогда. А случилось напротив – он был обласкан.

В зимний воскресный день Слава возвращался из леса после лыжного пробега.

Бегом по асфальту перед потоком машин пересек шоссе и катился с маленького пригорка, резко вдруг затормозив, т.к. путь пересекал мальчик, скользивший животом на картонном листе по ледяному склону. Этот склон под самым домом был любим многими поколениями детворы зимой. Они выкатывали его ногами, пальто, куртками, санками, картонными листами. Обливали водой, когда он лысел до земли, и снова он годился хоть для одного, хоть для нескольких, скользящих паровозиком. Слава пропустил малыша, прошел дальше, но остановился посмотреть на следующего лихача, скользившего стоя на ботинках. Внизу стояли рядом два мальчика. Один спросил Славу:

–Какие у вас лыжи? Деревянные или пластмассовые?

– Пластиковые.

– А нужно их смазывать?

– И, да и нет. Иногда смазываю.

– А есть у них желобок?

– Есть, – ответил и поднял ложку, показывая.

– Хорошие лыжи у вас.

– Да и мне нравятся, – ответил Слава и сделал шаг – другой, а мальчик вслед ему сказал:

– Да хранит вас господь.

Спазма сдавила горло, заслезились глаза. Слава возможно мягче ответил:

– Спасибо тебе, мальчик, за доброе пожелание. Пусть и тебя хранит господь.

В жаркий летний полдень Слава после купанья возвращается домой, проходя возле скамейки, на которой гурьбой сидят девочки десяти—четырнадцати лет, услышал почти хором произнесенное:

– Здравствуйте.

Слава остановился, посмотрел на них, думая увидеть знакомую девочку из окрестных домов. Но – нет, всех видел впервые. Одеты по-летнему, некоторые босиком, волосы после купанья еще мокрые, в беспорядке, на некоторых еще мокрые футболки.

— Здравствуйте, девочки. Вы что, меня знаете?

— Да.

— Наверно вы из нашего двора?

— Нет.

— Я вас всех не могу запомнить. – Щелкают семечки.

– А вы меня запомнили?

— Да.

— Наверно потому, что я в очках?

– Нет.

— А почему же тогда?

— Вы красивый, – отвечает одна светловолосая с простым русским лицом.

— Ты тоже красивая, потому что говоришь приятное, умница. Так и держи себя всегда, и все тебя будут любить. – Девочки улыбаются, Слава прощается и уходит, тронутый их вниманием и таким редким комплиментом:

– Надо же, он красивый и вспомнил, что устами младенца глаголет истина. Значит действительно я хороший. А не любить меня – тоже можно, но только про себя, в мыслях.

– Какие хорошие девочки. Ведь ничто не заставляло их сказать эти приятные мне слова, – подумал Слава, и, придя домой, решил их угостить? Нашел пакет с конфетами—червяками, оставленными, когда—то «я не люблю тебя, дедушка.» Лизочкой, и вернулся к скамейке.

– Девочки, помогите мне, скушайте эти конфеты, избавьте меня от многих сладостей, – и протянул пакет той светловолосой умнице. Девочки гурьбой навалились на светловолосую, вмиг разобрали конфеты и набили ими рты. Смущенный своим неожиданным порывом, Слава кивнул девочкам и быстро ушел, раздумывая:

– Бывали у него несколько раз хорошие порывы при разных ситуациях, но он начинал раздумывать, анализировать осуществление и отказывался делать. Теперь он подумал и сделал, и сделал хорошо, как делал бог.

— Молодец, – похвалил он себя.

Как эти встречи с разными детьми соответствовали его представлению о чистой детской душе, и как не вязались с недетской жестокостью Лизочки!

Но была же причина или мотив, было что-то, что заставило ее довольно воинственно или задиристо атаковать меня. Я подумал, что любящая ее мама, воспитывая дочь, обратила ее внимание на то, что она так любит Лизочку, что ни разу даже не шлепнула ее по попке. – А вот папа меня наказывал, и однажды взял ремешок и отшлепал меня по попке. – Мама, а

тебе больно было? – Конечно больно. – Ах, какой нехороший дедушка! Я его больше не люблю. Жалея маму, Лизочка решила мстить дедушке, и делала это настойчиво.

После побега Слава стал с опаской бывать в гостях, и Лизочки встречала его обычно хмурым взглядом. Она не забывала страдание маминой задницы, не зная причины примененного отцом способа наказания и воспитания. Сама Влада об этом случае тоже напоминала и укоряла отца за метод воспитания. И как с малого начинается великое, так и за детским лепетом последовали большие несправедные дела Влады, и гостевания Славы прекратились.

Бугров

Многие типы людей встречаются в многовековой старой русской литературе, свободной в своем выборе. То удалые и лихие, то убогие и юродствующие, то одаренные или бездарные, лежебоки и деятельные, бродяги и пьяницы, казнокрады и преферансисты. Кого только не было. Литература короткого советского времени подобными, похоже, обеднела – жизнь стала другой, да и тематика была подвластной государственной машине, печатавшей авторам гонорары. Мне довелось встретить и наблюдать на протяжении нескольких лет человека, словно зачатого всеми типами прошлого, да что там скрывать – быть соучастником некоторых историй с ним и как бы заглянуть в далекое прошлое России. Не прервалась линия русских типов и в условиях латвийского зарубежья! Русский и в Европе и в Африке всегда покажет нашу русскость. А здесь по соседству с Россией, и тем более.

Володя лет тридцати-тридцати пяти от роду, невысокого роста, сухощавый, жилистый, цепкий, светло и редковолосый, с пшеничными усами, русак из Витебска, неизвестными мне путями попавший в Ригу.

Вначале он плавал матросом на лоцманских буксирах, буксирах, таскавших баржи. После этого надолго расставался с землей в рыбном порту, отплывая на СРТ или БМРТ ловить рыбу в дальних морях Атлантики, став студентом Калининградского рыбного института. Однако тянулся к свету ученья как-то, между прочим. Никогда не видел я его склонившимся над книгой или конспектом. Обычно он склонялся с карандашом в руке над пулей для записи очередного виста или росписи пули, прижимая лист локтем, другой, держа недопитый бокал или рюмку водки. А в одиночестве, лежа смотрел телевизор. Придя к нему, видел всегда на экране мультфильмы. Смотрел он любые и всегда с интересом. Удивлялся, узнав, что я не смотрю их:

– Как, не смотришь? Ведь они такие интересные и захватывающие.

Сочетание любви к выпивке и преферансу было почти гармоничным и одно другому не противоречило, а вот детская привязанность к мультфильмам была в диссонансе с первыми. Наверно это была бы простая задача для психолога – объяснить это. Психологи любят объяснить многие побуждения души человека как компенсацию недополученного в детстве, но недополученными были и преферанс, и выпивка. Но и я все детство провел без мультфильмов, а так и не потянуло к ним. Правда, в Володе было сочетание трех направлений влюбленности, а во мне из его ни одной. Случалось, что не было передач, не было компании для преферанса. Тогда Володя коротал время, накручивая усы. При этом назидательно мне:

– Обязательно ухаживай каждый день, но вскручивай снизу вверх по часовой – Так и следуя иногда его инструкции. Думается при этом хорошо и от монотонности действия спокойствие охватывает.

Так проходила домашняя жизнь на берегу студента Калининградского рыбного института. Но и экзамены нужно было как-то сдавать.

– Как это как-то? – спросите. – Отвечу. Надвигалась сессия, а он не допущен к экзаменам, к самому первому – по деталям машин, т.к. не сдал курсовой проект. Володя в тревоге обратился ко мне – инженеру. – Помоги! Спаси! – Пришлось взяться за расчеты, и начертить несколько листов проекта лебедки с редукторным приводом. Володя представил проект, защитил его и был допущен к экзамену. И снова он просит меня о помощи. Пришлось освежить в памяти курс Деталей машин, готовиться и сдавать экзамен, боясь разоблачения. Но пронесло, и если экзамен был сдан на «хорошо», банкет же, организованный Володей в ресторане «Рига», прошел с оценкой «отлично» с плюсом. Вот такими мытарствами Володя был выведен в люди и стал четвертым человеком на большом морозильном траулере, на борту которого он зарабатывал большие деньги, и все шесть месяцев плавания их не тратя, оказывался на берегу с очень большой суммой, невообразимой для меня, работавшего инженером на заводе. На эти деньги он мог путем прописки приобрести квартиру, купить тронное кресло и восседать в нем под сияющей хрустальной люстрой зала, выписать хоть из Москвы на празднование своего сорокалетия цыганский оркестр театра «Ромэн», быстро накопить на какой-нибудь автомобиль, «как денди лондонский» одеться. Но он был экономным или все это ему было не нужно. Примером экономности Володи был случай в магазине «Сакта», большом, богатом галантерейном, в самом центре города, в первом этаже филфака ЛГУ. Зашли в магазин просто посмотреть на товары, а может быть и купить, если бы что-нибудь приглянулось. В мужском отделе остановились у прилавка с носками. Володя восторженно:

– Да, нужны мне носки, а то фактически носу последние.

Стал наклоняться, всматриваясь в ценники. Отпрянул и, глядя на меня вопрошающим взглядом воскликнул:

– Что? Семьдесят копеек! Такая цена, не может быть! Это же сто граммов водки! Нет, нет, не стану тратиться.

Владимир жил у Эллы с сыном, в двух комнатах многокомнатной общей квартиры, с длинным извилистым коридором, с соседом – армянином – буфетчиком – поезда Рига–Москва. Его жена Маша сновала по коридору из далекой комнаты в общую кухню в не запахнутом сит-

цевом халате, с растрепанными волосами, почти вывалив громадную грудь, заглядывала в комнату к Володе одолжить сигаретку или рюмку с похмелья, когда муж шел рейсом на Москву или обратно, а Элла таксировала меню в кулинарии. Придя в другой раз к Владимиру, я услышал о трагической истории гибели мужа Маши в Москве на стадионе «Лужники». Заканчивался футбольный матч между «Спартак» и голландскими командами за кубок УЕФА. Поток людей спускался по лестнице к выходу, когда внизу, на последних ступеньках, упала девушка. Люди остановились и стали ее поднимать, а поток сверху неудержимо напирал и началась давка. Ее мужа и многих других раздавили, погибли 66 человек.

Володя был, в общем-то, неприхотлив, но привередлив в одном. Каждое утро он должен был одеть чистую выстиранную Эллою с вечера рубашку. Это же непереносимое требование он обращал и к любой девушке, к которой ему приводилось попасть в гости и заночевать. Похоже, он обладал и манией понуждения. Но, если после скандала Элла противилась, посылая его ко всем чертям и замахиваясь угрожающе, он покорно брел в общую ванную и стирал сам. Вторым желанием, которое он заказ бы даже сказочной Золотой рыбке, было – одевать перед выходом нагугалиненные и начищенные до блеска единственные туфли на повышенном каблучке, приподнимавшие его в высоту мужчины полусреднего роста. А в остальном Володя действительно был нетребователен.

Про плаванье, о рейсе, он рассказал с печалью в голосе и кислой миной лица о моменте, когда закончились запасы водки. О скуке после этого и о бесконечно длинных тралах, вытаскиваемых на палубу, в которых как муравьи копошились рыбы. Несортовую выбрасывали в море, а крабов – в кастрюли. Слушая его рассказы, посматривал на Володю, и он сам чем-то напоминал краба. Он казался цепким, как руками, так и ногами, каким я представлял себе краба. Тот не отпустит, что схватит клешней, а Володя не выпустит из рук карты, взятую рюмку, а из-под ног футбольный мяч. И то и другое к нему словно прилипало, не говоря о рюмке или бокале в руке. Возможно, благодаря этой цепкости он выживал, не был смыт за борт волной, не соскользнул при качке с палубы в море. В этих отчаянных ситуациях Володя как краб зацепился бы за любой небольшой выступ на палубе, хоть за шляпку шурупа, не говоря о торчащей головке болта. К тому же я видел в Володе выносливость и неприхотливость краба, неспособность к жизни на суше, которая, на мой взгляд, губила его, как краба, вытасченного из моря. В море плавал и глотал соленую воду, а на суше – горькую.

Элла вторая слева, Слава – третий 30.09. 1971 г.

В долгие месяцы пребывания Владимира на берегу, иногда по шесть месяцев, до очередного рейса, ни дня не случались без возлияний с поводом, а чаще и обычно – без него. До вечера Володя проводил время дома, у Эллы, у телевизора, с детским интересом смотря только мультфильмы. К вечеру он выходил в город прогуляться, и тотчас ему попадалось кафе, бар или ресторан. Как не зайти и не выпить? В Риге была много таких уютных и дружественных мест, а ноги так и вели то к одному, то к другому. Лиха беда – начало, как известно, а в продолжении – на последние, что были в кошельке, Вова брал такси и возвращался к Элле. Элла на голову выше Владимира. После развода осталась и жила с подрастающим сыном—школьником. Работала в кулинарии товароведом. Элла была большой любительницей волейбола. В летние месяцы в выходные дни ее можно было наверняка встретить на пляже в Дзинтари. Блондинка к концу лета покрывалась коричневой коркой от пребывания на солнце и теряла белотелую привлекательность. Загар огрублял ее, да и не только, и других девушек тоже. Но этот загар не было столь отталкивающим, как теперь после загорания в соляриях под искусственным солнцем, выпекавшем мертвенно желтых, красных и коричневых девушек. Идешь по улице зимой – впереди негром чернеет девушка с кирпичным лицом, никак не вяжущимися с белизной волос. Элла с ее открытым веселым характером знал в нескольких поколениях ребят, мужчин, девушек и женщин весь пляж Дзинтари. Элла высокая, сильная, спортивная и жизнерадостная, компаньон в волейболе, преферансе и в застолье. Она словно олицетворяла русскую женщину, которая все могла и умела, могла покорить, властвовать и утешить. Спускаясь от концертного зала к пляжу, слышишь звон шлепков по мячам многих кружков. Всмотрись – и обязательно в одном из них Элла, а рядом, на песке четыре неподвижные, склоненные словно в молитве, фигуры, движутся только руки, словно крестятся, играя в преферанс. Среди них восседает и Володя, небрежно скидывая карту в пулю. Володя был привязан к Элле, казалось навсегда. Только сильная выпивка отвлекала его, и он мог накоротко, скорее всего на одну ночь, оказаться неизвестно с какой женщиной. Возвращался, когда Элла работала, отходил с мультфильмами, и ласковым покорным мужем встречал ее вечером. Иногда ему это не стоило скандала, а иногда – жуть что бывало, и Володе приходилось уже не добровольно покидать квартиру, на ночь глядя, невзирая на непогоду. Куда деваться? Вышел из подъезда и как Илья

Муромец встал на перекрестке: налево пойдешь – в «Таллин» попадешь, направо пойдешь – в «Лиру» попадешь. Отказаться ни от того ни от другого ресторана невозможно, и Володя принимает соломоново решение – сначала в «Лиру» освежиться в подвальном баре, а потом – серьезно поужинать в «Таллине». А к тому времени Элла или остынет, или уснет, и он, сняв туфли, на цыпочках проберется на свою оттоманку.

Звонок, поднял трубку – Володя:

– Слава, привет. Завтра большой день, день рождения, мне стукнет тридцать пять. Приглашаю отметить.

– Володя, с удовольствием, но боюсь, что не получится – завтра я улетаю в Москву. У меня предзащита диссертации.

– Во сколько самолет?

– В 19:30.

– Хорошо, начнем в два часа.

– Опасно, Вова, загуляем. Знаю я тебя, да и себя немного.

– Не беспокойся, посажу тебя в самолет.

– Хорошо, уговорил.

– Жду тебя, Слава, в два в «Риге».

Слава к предзащите подготовил громадные плакаты на плотном Ватмане, кажется А1, высотой под 1,7 метра, свернутые в трубу. Упаковал их в полиэтилен, взял спортивную сумку с бумагами и тапочками, и поехал в ресторан. Пришлось уговаривать гардеробщика, чтобы принял плакаты. Согласился за пятьдесят копеек. Володя встретил, и мы направились к столу в углу. Я посмотрел на стол – и ахнул. Он был полностью сервирован всем, что душе даже прихотливой угодно. Володя глянул Славе в глаза с вопросом:

—Ну, как? – Ответом было восхищенное потрясение головой и закатывание глаз к потолку. Володю поздравил, потом основательно кушали и выпивали. К появлению оркестра были уже, что называется, в хорошем настроении. Только начало вечера, зал не заполнен, никто не танцует. Шел период разогрева к горячему вечеру. Да и в зале было свежо. Оркестр был с солисткой, довольно простой девушкой, даже просто одетой. Она спела одну – вторую песенки. Володя вдруг говорит:

– Пойду, закажу.

Достал пять рублей и направился к оркестру. Переговорил, отдал ближнему – саксофонисту, что в руке держал, и вернулся. Звучит «Ты жива еще моя старушка...». Налил рюмки:

– За маму.

Вижу, взгрустнул Володя, голову склонил и в задумчивости отрешенно и нехотя шевелит вилок в блюде с закуской, но не кушает, а слушает.

– Несколько лет не был дома. Ехать-то недалеко, но все не соберусь.

Солистка закончила, оркестр замолк. Володя возмущенно мне:

– Ну как она поет, ну разве можно так, без души!

Володя снова направился к оркестру, беседует с саксофоном, тычет пальцем в сторону солистки, протягивает руку и вкладывает в выставленную купюру.

Вернувшись, хмурясь, говорит:

– Заказал ту же, заплатил пять, и дал еще пять, чтобы солистка не пела.

Оркестр исполняет ту же мелодию. Солистка стоит молча, потом резко поворачивается и уходит из оркестра. Спрашиваю Володю:

– Где твои родители живут?

– В Витебске.

– Живы– здоровы?

– Мама жива, отец умер.

– Давно ли бывал дома?

- Очень давно, лет семь тому назад.
- Почему же съездишь? До Витебска езды часов десять.
- А когда? Все рейсы, да рейсы.
- Подожди, ведь ты на берегу уже второй месяц?
- Никак не собраться, все какие-то дела.

Я удивился и даже был огорчен такой сыновьей небрежностью Володи. Они же о нем думают, беспокоятся – ведь он ходит в море, мало ли что может произойти. А Володя все никак не соберется навестить мать. Или, живя с Эллой, он не ощущает

Володя у меня в день рождения

этой потребности. Элла замещает ему мать? Жизнь Володи выглядела походной и одинокой, несмотря на приют у Эллы. Ведь и сегодня, в день рождения, совпавший с моим отъездом в Москву, он накрыл такой богатый стол, подстать большой компании, и пригласил одного меня. Наверно некого, а может не лежала его душа больше ни к кому, ведь и я после банкета покину его, и он останется один. А теперь, по Владимир – единственный гость на моем дне рождения по прошествии наверно трех десятилетий с того дня рождения, я задумываюсь о своем предстоящем юбилейном, оглядываюсь вокруг, и оказываюсь в пустоте – и мне больше некого пригласить, некому накрывать стол. Правда, далеко и задолго до юбилея случалось, что таким же единственным гостем на моем празднике был тоже Владимир.

—Ах, где ты, Владимир! Ты один в моей памяти, кого бы я хотел видеть перед собою в день рождения, и, конечно, маму. – А ее уже нет на земле шестнадцать лет. Хорошо было Владимиру – нашел, кого пригласить, наверно я был ему по душе, а может изо всех я был просто чуть теплее для него.

Я поглядывал на часы, беспокоясь о рейсе, Владимир меня успокаивал:

—Успеем.

Но потехи час истек, мы вышли, я сел в такси, а Володя вернулся в ресторан. При посадке в самолет возникли вопросы из-за плакатов. Стюардесса не могла никак решиться пустить

меня в самолет, и дело дошло до пилота, который внял моим объяснениям и распорядился поставить плакаты в грузовом отсеке. В полете тубус промерз и выносил я его, одев перчатки.

Случалось, Владимир приглашал меня погулять. Начинали в каком-нибудь кафе, чаще всего тут же, рядом с его домом, в «Зэлта руденс». Володя был экономным человеком, и мы рассчитывались каждый за себя, несмотря на громадную разницу в доходах рыбака и инженера. Потом шли в другое, третье кафе, и, в конце концов, оказывались в малой «Риге». Я выпивал осторожно, Владимир же по целой, и к концу вечера он был куда как более хорош, чем я, и я превращался его провожатого. Но Володя упирался:

– Едем «Юрмалу»!

Не ближе и не дальше. И это уже под дворовой аркой его дома. Я его отговариваю, беру под локоток, обнимаю, клоню в сторону лифта. В борьбе удается втолкнуть Владимира в лифт, и я довольный убегаю под его крики из кабины

– Вернись, едем в «Юрмалу»!

Ухожу и вспоминаю этот взморский ресторан в Дзинтари, где мы были с Володей. Сидели на втором этаже открытой решетчатой веранды. Мы видели всю улицу Турайдас с гуляками к морю и обратно, и они нас тоже видели. Видели наши головы, поднятые руки с рюмками, и наверно глотали слюнки, воображая закуски. Напротив, за нашим же столиком сидел моряк заграничавания – категория моряка более высокого уровня, чем рыбака Володи, поскольку его труд оплачивался валютой, реализуемой коврами, сбываемыми на нашем берегу втридорога. Сидел не один, а с мартышкой. – Не подумайте, читатель, что я обзываю его некрасивую подругу, – нет. Сидел с настоящей мартышкой – обезьяной, с длинным хвостом, печальными глазами с нависающими надбровьями, в довольно облезлой шкуре. В общем – с очень противной. Ему же она была мила и забавна, он говорил ей тост, выпивал, макал кусок сахара в остаток в рюмке, и давал его мартышке. Та хватала, лизала и проглатывала. Мы застали матроса в хорошем подпитии, да и мартышка уже хорошо нализалась, была весела и скакала с плеча матроса на пол, а с пола на плечо или просто вверх. Я протянул к ней руку, чтобы пощупать шкуру, а пьяная мартышка вцепилась в руку и прокусила предплечье. Хорошо, что отпустила. Все бумажные салфетки и мой платок пошли на перевязку кровоточащей раны. Многие годы виднелся тот шрам от обезьяньих зубов. Вот в это ресторан и стремился Володя, поднимаясь в кабине лифта на свой этаж. На следующий день Владимир звонит мне и жалуется:

– Слава, ты делаешься опасным, когда выпьешь. До этого ты интеллигент, а после – тебя не узнать. Куда она девается, интеллигентность!

– А в чем дело?

– Ты, что, был пьян и не помнишь, как направлял меня домой, к Элке, а я ведь совсем не хотел, да и было еще рано, слегка за полночь. Так ты заволок меня в подъезд. Да так хватал своими лапищами, как краб – не отцепить, у меня синяки на руках и на боку.

– Не интеллигент я значит, Володя. Видно, что до выпивки – то наносное, а суть – то другая.

В очередной из трехмесячных перерывов в рейсах, о которых Владимир говорил «бичую», при встрече в растерянном состоянии рассказал, что поссорился с Эллой, и она выгнала его. Ночевал он у товарища, а теперь хочет снять квартиру. Помогает ему в поисках Виктор Белайчук. Через несколько дней квартиру он нашел, и Виктор стал ее обустраивать, получив от Владимира деньги на покупку материалов и изготовление какой-то мебели. И я побывал в новой и первой собственной квартире Владимира. Она была в наземном этаже с выходом прямо в садик. Довольно приятная и удобная для одного человека. Я пытался узнать о юридическом оформлении прав на нее, но Владимир отвечал сбивчиво и неуверенно. Как-то встретил Эллу и поинтересовался – как же так они разошлись? Элла рассказала:

– Володя явился поздно и пьяным, держал себя агрессивно, требовал ужина в

час-то ночи. Я стала его выталкивать за дверь, но он сопротивлялся. Тогда я позвонила в милицию и милиционеры прибыли. Володя стал их убеждать, что я выгоняю его из дома, что я агрессивная, мол, дралась, он сопротивлялся. – К тому же, – говорит, смотрите какая она старая. Смотрите, – и протягивает руку с вырванными у меня волосами, – У нее волосы лезут. – Это оказалось последней каплей моего терпенья, и попросила милиционеров вывести его из квартиры, т.к. он здесь не прописан, а прописан на траулере БМРТ. Они его увели. Днем, без меня пришел, собрал свои вещи в портфель, и с тех пор я его не видела и не слышала, слава богу.

По прошествии большого отрезка времени я решил навестить Владимира и пришел на его квартиру. Меня удивило, что дверь не была заперта. Вошел и застал его в печальном состоянии. Он лежал на диване полусонный и нехотя посмотрел в мою сторону.

– Что с тобой, Володя? – спросил я.

– Вчера меня ограбили. Забрали все мои вещи – хороши туфли, кожаное пальто, телевизор.

– Как все произошло?

– Днем были у меня новые знакомые, немного выпили и они ушли. Вечером я как всегда, смотрел телевизор. Позвонили в дверь – я открыл и увидел незнакомых людей. Они втолкнули меня в комнату, посадили на стул, завязали глаза и привязали к стулу. Слышал, как обыскивали и собирали мои вещи. Потом хлопнула дверь – ушли. Тогда я распутался и позвонил в милицию. Что теперь делать – не знаю. Жду Виктора, вот-вот должен приехать. С тех пор Владимира я не видел. Рассказывали, что собирал деньги на билет самолетом и улетел в Петропавловск-Камчатский, на свой БМРТ. С тех пор в Риге его я не встречал, и известий от него не было. Так закончился рижский большой этап бесшабашной неустроенной, как мне казалось, жизни хорошего русского человека Владимира Бугрова. Очень надеюсь, что Восток направил его жизнь в нужное ему русло, может и оседлое, хотя не могу поверить, чтобы он в нем прижился.

В снегах

Много снегопадов случилось в эту зиму. Были и короткие оттепели, но снега не подтапливались им, и в марте лежали сугробы. О величине их свидетельствовали машины в зимнем отстое, заснеженные по крыши. Вдоль лесного шоссе, на стороне домов зима сделала из них длинный сугроб с провалами в местах, где машины выезжали. Контрастом этим белым сугробом был расчищенный от снега черный асфальт шоссе. Лыжня от шоссе, ведущая в лес была теперь необычно глубокой. Какому-то лыжнику, наверно насмотревшемуся европейского или мирового чемпионатов по лыжным гонкам где-нибудь в итальянских Доломитовых Альпах или Кортино – Дампеццо захотелось также лихо пронестись как в тех гонках коньковым ходом, судя по оставленным следам. Но сделал несколько шагов, и захлебнулись лыжи глубоким снегом, и он вернулся в колею. Вот в такую богатую снегами зиму лыжник углубился в лес просекой под покровом нависавших кое-где крон сосен и елей, лап ветвей кустов, обвисавших от навалившегося на них снега. Продвигаясь под нависавшими сводами, чтобы не нагибаться, лыжник сбивал палками перед собой снег с ветвей, и кусты, ссылая снег, пружиня, медленно поднимали свои головы. Снег сыпался с шорохом, затаенно позванивая и поблескивая. Лыжник оглядывается, любуясь этим снежным дождем. Иной раз ускорял бег, устремляясь из-под снежного ливня, но успевал не всегда. Осыпанный, подрагивая, почти как собаки после воды, стряхивал с себя снег. А как холодно, приятно и почему-то по-детски становилось смешно, когда снег попадал за шиворот и лыжник хотел быстро вытрясти его, наклонялся до снега, а он таял, охлаждал шею. Впереди длинный подъем в невысокую гору. На изломе вверху на светлом встречном солнечном свете лыжня вырисовывается двумя разделенными прорезями, которые лыжнику всякий раз напоминали прорезь прицела винтовки.

Мороз несильный, но мерзнет большой палец руки. Остановился, стянул варежку и спрятал его в кулаке – пусть отойдет. Пошел снова и впереди заметил что-то смутно чернеющее. Приблизился и увидел, что это движется ему навстречу. Разглядел – она маленькая, кругленькая, блеснула черными небольшими глазками в оторочке черных ресничек, одета в меховую черную шубку. Немного удивился – на лыжне и в шубке, ближе, ближе, смотрит снизу-вверх на меня. Наверно думает – Уступит этот долговязый в лыжном разноцветном костюме лыжню или – нет. Что ей делать? Сойти первой? Нет, не уступлю нахалу. Сближаются. Он думает – Как разехаться? А вдруг грудь, а вдруг бедра? Повернется боком – сметет меня грудью, ехать прямо – бедром собьет в сугроб. Лыжнику захотелось столкнуться с нею. Он подумал – Каким приятным, упругим или мягким оно будет. Шубка не скрывает обтянутых выступающих полненьких бедер. И столкновение почти лоб в лоб неизбежно – она не уступает. Лыжник сдвинулся влево на одну лыжу, она тоже – одной ножкой по снегу, другой проскребла, соскальзывая по его лыже. Чуть не коснулась боком ноги и прошмыгнула. Оглянулся ей в след. Бежит по лыжне, не уклоняясь ни влево, ни вправо. Снежные бортики лыжни высоки, перебраться не может и скрывается вдаль. Он остановился, смотрит, уже не различает хвостика, только переваливается из стороны в сторону жирная спинка мышонка. Черная шубка и мелькнувший черненький блестящий глазик вызвали в памяти тоже зиму, тоже лес и девушку в черной каракулевой шубке. Поглядывая на мышонка, лыжник углубился в воспоминания, извлекая из памяти одну деталь за другой той встречи и тех событий.

Никогда не гулял зимой по лесу в мороз с девушкой, и вдруг предложил ей. Электричкой доехали до памятной мне станции, от которой по зимнему лесу проходил несколько километров в солдатской серой шинели с погонами лейтенанта запаса и в кирзовых сапогах в казарму, возвращаясь после выходных к службе в ракетном дивизионе. И теперь повел ее по знакомой дороге. В ясный солнечный день вошли в редкий сосновый лес. Света стало чуть меньше, появились тени от деревьев. Ветви крон усыпаны легким снежком. Подуй ветер, и он ссып-

летя. Но стоит лес в глубокой тишине. Пискнула грустно птица, и снова тишина. И она в зимнем лесу никогда не бывала. Родилась в городе, стала ходить и вышла на асфальт. Зимой он расчищен дворником от снега и льда, летом в жару источает неприятный запах гудрона. Летом доезжала до взморья, видела сосны летом. Ходила по пляжу и думала, что сосны растут для людей, чтобы источать оздоровительный озон. А теперь видит, что сосны живы и зимой, что замерли, что красивы и безмолвны. И мы одни. Их души вычищены белым снегом. И души открыты друг другу. И что же дальше? Души распахнуты друг другу. Распахнута и каракулевая шубка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.